

БЛОК И ГОРЬКИЙ

I

К ИСТОРИИ ЛИЧНЫХ И ТВОРЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ БЛОКА И ГОРЬКОГО

Статья и публикация А. М. Крюковой

История личных и творческих отношений А. М. Горького и Блока, в достаточной мере изученная¹, может быть дополнена и в некоторых существенных моментах уточнена, если мы примем во внимание всю совокупность историко-литературных фактов, в первую очередь ставших известными в недавние годы. Это относится к публикации переписки Горького и Леонида Андреева², в которой впервые выявилась сложная позиция Горького по отношению к Блоку в период 1907—1911 гг.; публикации писем Блока к жене³, из которых впервые стало известно о том решающем значении, которое придавал поэт своему участию в горьковских сборниках «Знание» в тот же период; публикации переписки Горького и А. В. Луначарского⁴, содержащей новые сведения о деятельности Горького, направленной на облегчение участи Блока в последние дни его жизни; публикации дневниковых записей-заметок Горького о Блоке, относящихся к 1925—1930 гг.⁵, периоду интенсивной работы писателя над своим итоговым произведением — романом «Жизнь Клима Самгина», и ко многим другим материалам.

Эти сведения должны быть, очевидно, дополнены фактами прямого обращения писателей к творчеству друг друга. Речь идет о личных библиотеках Горького⁶ и Блока⁷, сохранивших реальные свидетельства этих отношений.

Сопоставительное изучение соответствующих разделов этих библиотек могло бы внести некоторые коррективы в историю отношений писателей, в особенности послеоктябрьского периода.

В первую очередь нуждается в уточнении самое содержание проблемы «Горький — Блок», с давних пор рассматривавшейся в нашей науке несколько одно-сторонне. Вот утверждение современного исследователя: «И Горький-художник, и Горький-организатор литературных сил, и Горький-революционер помогли Блоку, при всей мучительной противоречивости его исканий, найти выход из творческого кризиса, обрести пути к революции»⁸.

Вернее было бы, очевидно, говорить о сложности и драматизме в отношениях этих двух великих, но разных художников, у каждого из которых был свой путь и в жизни, и в творчестве, и в революции. Однако при всем различии идейно-эстетических воззрений Горький и Блок часто шли навстречу друг другу, искали возможности взаимопонимания, или, если воспользоваться позднейшим определением Горького, «контакта» друг с другом⁹.

Смена взаимных притяжений и отталкиваний, порою одновременное их существование, которыми характеризуется реальная история отношений писателей, имела в своей основе их творческие — художественные и идейные — устремления, в первую очередь глубокое чувство сопричастности судьбам родины.

Первые выступления Блока в печати, связанные с именем Горького, относятся к 1905 г. В этих выступлениях, при всей их «положительной» направленности (Блок высоко оценил «Рассказ Филиппа Васильевича» Горького, увидев в нем «какую-то истинную грусть, а может быть, большую радость, более совершенную, чем в обычном, немного абстрактном, пафосе Горького, — особенно за последние годы» V, 559), обнаруживается тенденция, которая более полно выступит в последующих критических высказываниях Блока о Горьком. «Вспомним, — писал Блок в рецензии на книгу нижегородской писательницы Мирэ

„Жизнь“, в развитие своего тезиса об „абстрактном пафосе Горького“, — что Горький подал сигнал к своему теперешнему падению именно тем, что, искренне ненавидя абстрактное, бездушное, рабское, он сам своей рукой загнал себя на какую-то отвлеченно-моральную кафедру под кулак какого-то огромного, прожорливого и бессмысленного деспота — „человека“, который, несмотря на свою дебелость, все-таки остался абстракцией и пустотой. Позволено ли покидать прекрасный и свободный ужас Вечной Матери-земли для рабства кажущемуся прогрессу?» (V, 585).

В этой оценке Горького важно обратить внимание на лежащее в ее основе представление поэта о своей художественной, творческой противоположности Горькому: в письме к матери Блок сообщает, что он «выругал Горького» в этой рецензии, добавив при этом (в зачеркнутом варианте строки), что «новая пьеса Горького кажется, о нас, декад^ентах»¹⁰.

Однако эта оценка Горького — с точки зрения «нас, декадентов», — не помешала Блоку при первой же встрече с писателем с большой симпатией и интересом воспринять его человеческую личность: «Сегодня из всего многолюдного собрания <речь идет о собрании, посвященном проекту организации театра „Факелы“>, — писал Блок Андрею Белому 3 января 1906 г., — мне понравился только Максим Горький, простой, кроткий, честный и грустный <...> Где-то в нем брезжит и „Максимка“, а грусть его происходит во многом оттого, по-моему, что он весь захватан какими-то руками — полицейскими, что ли?» (VIII, 147).

Этот интерес к личности писателя усилил, можно предположить, поиски внутреннего, творческого контакта с ним.

Блок буквально «изучает» в те годы «реалиста» Горького: «Он обложился зелеными книжками „Знания“, презираемого у эстетов, — свидетельствует современник, — внимательно перечел всю беллетристику реалистов и дал ряд очерков о Горьком и других. Это был прямой шаг на волю из узкого круга эстетизма, который его душил»¹¹. 25 июня 1906 г. Блок сообщает Е. П. Иванову о том, что читает Горького (наряду с Сологубом, Гамсуном и Гауптманом), замечая: „Трое“ были для меня важны» (VIII, 157).

Именно к этому времени у Блока возникает своя концепция Горького как «писателя из народа», которую он будет отстаивать и развивать до конца жизни. Впервые она была сформулирована им в одном из писем 1906 г. С. М. Городецкому, о содержании которого мы узнаем по ответу адресата, датированному 28 июня 1906 г. (письмо Блока не сохранилось): „Фома <Гордеев>“ — последнее нужное произведение», — цитирует Городецкий слова Блока, рассуждающего о новых путях искусства, связанных, по мысли поэта, с «реализмом»: «Искусство должно изображать жизнь» (см. наст. том, кн. 2, с. 28). Несколькими позднее Блок в статье «О драме» (1907) подтвердит высокую оценку повести Горького, выделив среди всех пьес писателя пьесу «На дне», в которой, как говорится в статье, писатель остается на высоте «Фомы Гордеева» и «Троих» (V, 173).

В письмах и литературно-критических статьях поэта упоминаются почти все вышедшие к тому времени произведения писателя: «Форма Гордеев», «Трое», «Мальва», «Челкаш», «Мои интервью», «Товарищ», «Мать», «На дне», «Дачники», «Дети солнца», «Враги», «Варвары», «Исповедь», «Землетрясение в Калабрии и Сицилии».

Попыткой разгадать «секрет Горького» — именно это слово употребляет Городецкий в цитированном письме, ссылаясь на слова самого Блока, — было известное выступление поэта о Горьком «О реалистах» (1907).

Смысл этого выступления заключался не только и не столько в «защите» Блоком Горького от нападок реакционных и декадентствующих писателей, на что обращают внимание все пишущие на эту тему. Хотя были в этой статье, безусловно, и защита Горького и «нападки» на него, в том числе и со стороны самого Блока: «Убедиться в том, что Горький потерял прежнюю силу, — читаем мы в этой рецензии, — очень нетрудно: стоит прочесть те небольшие вещи, которые он поместил в сборниках „Знания“ за прошлую зиму. Последние из этих вещей — „Мои интервью“, „Товарищ“ и „Мать“ <...> Стыдно то, что Горький дает в руки

своим бесчисленным врагам слишком яркое доказательство своей бессознательности...» (V, 99).

Кстати сказать, сам Горький обратил внимание именно на этот «отрицательный» пафос статьи Блока. Через двадцать лет после появления ее Горький писал в статье «О пользе грамотности»: «...Враги читали и знали друг друга; и если А. А. Блок писал рецензию, скажем, о Горьком, так Горький в этой рецензии чахотил кое-что технически полезное для себя...»¹².

Можно предположить, что Горький «не заметил» в статье Блока другой, конструктивной направленности. Впрочем, возможно, умолчав о ней, он выразил тем самым свое неприятие ее...

Концепция Горького в этом выступлении Блока впервые получила развернутое и глубокое истолкование. «Я утверждаю <...> — писал Блок, — что если и есть реальное понятие „Россия“, или, лучше, — *Русь* <...> то есть если есть это великое, необозримое, просторное, тоскливое и обетованное, что мы привыкли объединять под именем *Руси*, — то выразителем его приходится считать в громадной степени Горького <...>. Горький больше того, чем он хочет быть и чем он хотел быть всегда, именно потому, что его „интуиция“ глубже его сознания: неисповедимо, по роковой силе своего таланта, по крови, по благородству стремлений, по „бесконечности идеала“ <...> и по масштабу своей душевной муки, — Горький — *русский писатель*» (V, 103).

Особую роль в эволюции Горького Блок отводил «Исповеди», «знаменующей собою очень резкий поворот этого писателя на его единственно ценный путь — на путь *художника*» (V, 338).

«Исповедь» примирила Блока с Горьким-художником¹³.

Впрочем, рассуждения о Горьком-художнике имели в концепции Блока совсем особый смысл. По свидетельству современника, даже «слова Блока „а художник в Горьком еще не начинался“ <...> означали скорее хвалу, открывая какие-то возможности для него в будущем, какие обыкновенные художники не имели». Так писал Пришвин Горькому в 1926 г., вспоминая о событиях двадцатилетней давности¹⁴.

В статье «Народ и интеллигенция» Блок скажет об особом предназначении писателя, отступающем перед его художественными возможностями и стремлениями: «Я остановился на Горьком и на „Исповеди“ его потому, что положение Горького исключительно и знаменательно, это писатель, вышедший из народа, таких у нас немного» (V, 321).

Таким образом, концепция Горького, содержащаяся в статьях и выступлениях Блока 1906—1908 гг., органически войдет в систему собственных идейно-эстетических взглядов поэта. Литературная судьба Горького — так, как она виделась Блоку в первые годы революции, — даст реальное подтверждение этим взглядам и внутреннее глубокое обоснование самого пристрастия Блоком революции.

Годы 1911—1916 не внесли каких-либо существенных изменений в историю отношений Блока к Горькому. Стоит отметить лишь два факта: запись Блока в дневнике 3 и 4 марта 1912 г.: «...сегодня утром — уже частичный ответ на наши вчерашние речи — фельетон М. Горького в „Русском слове“ <...>»

Спасибо Горькому и даже „Звезде“: после эстетизмов, футуризов, аполлонизмов, библиофилов — запахло настоящим» (VII, 131). В этих записях речь идет о статье Горького «О современности», внутренний пафос которой оказался созвучен настроениям Блока — в первую очередь, очевидно, мысль писателя о противоположности жизненных устремлений «народа» и «интеллигенции». (Эта статья Горького вошла в 1-е и 2-е издания его книги «Статьи 1905—1916 гг.»; 2-е издание книги (Пг., «Парус», 1918) сохранилось в библиотеке Блока с его многочисленными пометками; отмечены и некоторые места этой статьи¹⁵).

При чтении «Дневников» Блока Горький обратил внимание на эту запись поэта, констатируя, очевидно, указанное внутреннее совпадение взглядов.

22 февраля 1916 г. Блок написал П. С. Сухотину: «Прочтите „Детство“ Горького — независимо от всяких его анкет, публицистических статей и прочего. Какая у него была бабушка! Я хотел об этом Вам напомнить и устно, да забыл»

(VIII, 456). Книга Горького «Детство» (Пг., «Жизнь и знание», 1915) также сохранилась в личной библиотеке Блока с надписью: «СПб., январь 1916. Александр Блок»¹⁶. Этот отзыв Блока имел продолжение в отношениях Горького к поэту более позднего времени (см. ниже).

В 1919 г. личные и творческие отношения писателей достигли, наконец, желаемой полноты и завершенности. Знакомство их могло состояться и раньше, в 1915—1916 гг., когда Горький привлек Блока к редактированию сборников национальных литератур. Однако их личные постоянные, почти ежедневные контакты относятся к 1919 г.

А. А. Кублицкая-Пиоттух, мать Блока, писала в одном из писем 1919 г.: «Часто видится <Блок> с Горьким. Отношения, кажется, хорошие»¹⁷. Тогда же она констатировала: «На днях чествовали Горького — пятидесятилетие его. <...> Саша произнес ему приветствие прекрасное <...> Наконец-то они сговорились и в некоторой степени оценили друг друга»¹⁸.

В записных книжках Блока имя Горького упоминается 74 раза, из них 48 упоминаний приходится на 1919 г. Большая часть их связана с активной работой Блока в организованном Горьким издательстве «Всемирная литература» и связанных с ним издательских начинаниях¹⁹. Известный ряд сведений о деловых, дружеских отношениях писателей этого периода может быть подтвержден письмом Блока Горькому, публикуемым здесь впервые:

«Многоуважаемый Алексей Максимович!

В пятницу в 1 час мы все соберемся для обсуждения списков. Так как Гржебин хотел, чтобы и в составлении Списка участвовал еще один член коллегии, то я постараюсь добыть к пятнице Иванова-Разумника, на основании вчерашнего разговора с Вами. Большинство — за него, а меньшинство против него ничего не имеет. — Не знаю, придет ли он, когда я его видел, он был совсем болен.

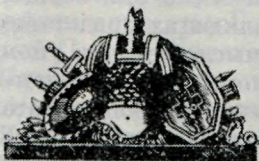
Преданный Вам

Ал. Блок»²⁰

Текст написан на листе бумаги, сложенном вчетверо, с надписью на обороте «Алексей Максимовичу»; к тому же он не датирован, что не было свойственно Блоку, — это дает основания предположить, что обращение к Горькому представляет собой не письмо, а записку, переданную адресату на одном из редакционных заседаний. Судя по содержанию, записку можно датировать 19—28 ноября 1919 г., когда Блок занимался по поручению Горького составлением списков произведений русской литературы, для издательства Гржебина, сначала в количестве 100 томов, затем 250 (ЗК, 481—482). 23 декабря 1919 г., как записывает Блок, «гржебинская коллегия прекратилась» (ЗК, 483). Упоминание имени Иванова-Разумника в этом письме, очевидно, связано с желанием Блока примирить Горького с одним из старых его идейных литературных противников: 24 ноября 1919 г. Блок записывает: «Утром — Иванов-Разумник (разговор о «компромиссе»). Окончены два списка» (ЗК, 481). 28 ноября продолжает эту тему: «Горький, Иванов-Разумник. Наконец я пробую их опять соединить, оба топорщатся» (там же). (Заметим, что этот замысел Блока о «примирении» действительно не удался: в романе «Жизнь Клыма Самгина», над которым писатель работал уже позднее, начиная с 1925 г. и до конца жизни, содержалась открытая полемика со взглядами Иванова-Разумника, чем и был подведен итог этому несостоявшемуся замыслу: Горький неоднократно возвращается здесь к позиции Иванова-Разумника, рассматривая ее как типичное выражение взглядов буржуазной интеллигенции. Некоторые положения книги писателя «О смысле жизни» (1909) целиком воспроизводятся в романе, приписываемые разным персонажам²¹.)

В этот период усиливается интерес Блока к Горькому и как к художнику и человеку и в том плане, о котором упоминалось выше, — с точки зрения формирования взглядов Блока на предназначение художника в эпоху революции, эпоху — в представлении поэта — крушения цивилизации и гуманизма и победы стихийных начал в жизни (см. VI, 93—115).

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

СТИХИ
О
РОССІИИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА
„ОТЕЧЕСТВО“

1915

X

РОССІЯ.

Опять, какъ въ годы золотые,
Три стертыхъ треплются шлеи,
И вязнуть спицы росписныя
Въ расхлябанныя колени.

Россія, нищая Россія,
Мнѣ избы сѣбья твои,
Твои мнѣ пѣсни вѣтровыя,—
Какъ слезы первая любви!

Тебя жалѣть я не умѣю,
И крестъ свой бережно несущ...
Какому хочешь чародѣю
Отдай разбойную красу!

Пускай заманитъ и обманетъ,—
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманитъ
Твои прекрасныя черты.

27

БЛОК. СТИХИ О РОССИИ. 1915. С ПОМЕТОЙ ГОРЬКОГО

Музей А. М. Горького, Москва

Воспоминания Горького о Блоке построены на воспроизведении бесед с поэтом: «Дважды в неделю сижу рядом с ним на редакционных собраниях „Всемирной литературы“»²². О чем же они беседовали в те годы? Блок записывает очень скупо: «Горькому нравится „Катилина“»; «Горький рассказывает об общем положении и о Финляндии»; «Политические рассказы Горького» (ЗК, 451, 452, 455) и т. д. Горький более подробно воспроизводит содержание этих бесед — о судьбах гуманизма в современную эпоху, будущем человека, возможностях сохранения его психической энергии, о нравственных законах, строении мироздания — и о своем, сокровенном: «Уже в „Городке Окурове“ заметно, что вас волнуют „детские вопросы“ (самые глубокие, страшные! <...>)

Он — ошибается, но я не возражал, пусть думает так, если это приятно или нужно ему...»²³.

В августе 1919 г. Блок подарит Горькому — наряду с другими своими книгами — книгу статей «Россия и интеллигенция» (изд. 2. Пб., «Алконост», 1919)²⁴. В предисловии к ней, датированном 14 ноября 1918 г., поэт скажет об особом смысле антитезы «Россия и интеллигенция», в которой первое понятие «наиболее близко определяют <...> слова: „народ“, „народная душа“, „стихия“, но каждое из них отдельно все-таки не исчерпывает всего музыкального смысла слова *Россия*. Точно так же и слово „интеллигенция“ <...> опять-таки особого рода соединение, которое, однако, существует в действительности и, волею истории, вступило в весьма знаменательные отношения с „народом“, со „стихией“, именно — в отношения борьбы» (VI, 453). Смысловой и образный строй этого предисловия возвратит нас к идейно-эстетической концепции Блока 1907—1908 гг., — в новом, обогащенном событиями революции виде. Особая роль в этих отношениях, по мысли Блока, будет принадлежать Горькому. В надписи на этой книге Блок выразит свои сокровенные раздумья: «Алексею Максимовичу Пешкову книжка, случайно оборвавшаяся на январе 1918 г., а конца ей — не видно. С глубоким уважением и преданностью Ал. Блок VIII, 1919»²⁵. Продолжение ей — т. е. теме

этой книги — будет намечено в приветственном слове Блока Горькому, произнесенном в марте 1919 г. в связи с 50-летием писателя: «Судьба возложила на Максима Горького, как на величайшего художника наших дней, великое бремя. Она поставила его посредником между народом и интеллигенцией, между двумя станами, которые оба еще не знают ни себя, ни друг друга <...> Позвольте пожелать Алексею Максимовичу сил, чтобы не оставлял его суровый, гневный, стихийный, но и милостивый дух музыки, которому он, как художник, верен» (VI, 92). Однако и это «продолжение» будет, очевидно, не завершено: по смыслу оно находилось где-то у начала новых идейно-эстетических исканий поэта...

В апреле 1919 г. в связи с юбилеем Горького издательством Гржебина была задумана «Книга о Горьком». Эта книга не была издана. По позднейшему свидетельству одного из редакторов ее, К. И. Чуковского, это произошло потому, что «Алексей Максимович, по своей щепетильности, не дал разрешения Гржебину печатать ее <...> У меня где-то есть записи Блока, как редактора книги»²⁶. Предполагалось участие Блока в этой книге не только в качестве редактора, но как автора основной статьи о писателе. Этот замысел не был осуществлен. Сохранилось мало документальных материалов, позволяющих представить возможное направление этой работы поэта. Впервые о замысле ее Блок упомянул в записи 9 апреля 1919 г.: «3 часа — к Горькому по поводу книги о нем» (ЗК, 455). Последующие записи дают некоторое представление о процессе этой работы: «Чтение бумаг Горького (тяжелое чувство)», «Книги Горького от Гржебина», «Нет ли у Горького мужицких писем к нему?», «Книги Горького. С Гржебиным о книге», «Мысли о Горьком (для книги)», еще «Книги Горького», «Занятие Горьким („Челкаш“ и „Мальва“ и др.)», «Чит<ал> „Несвоевременные мысли“». И, наконец, 16 ноября: «Очень тяжелые мысли о Горьком. Нет, буду ждать знаменаний» (ЗК, 455—480).

Из сообщения Д. Е. Максимова известно, что «в архиве Блока в ИРЛИ имеется небольшая папка: „Материалы для книги о Горьком“. В этой папке содержится выписанный кем-то из юбилейного сборника Московской духовной академии отзыв В. О. Ключевского о Горьком, а также два листка собственноручных выписок Блока из бумаг горьковского архива. Выписки эти датированы Блоком апрелем-маем 1919 г.»²⁷. Отзыв В. О. Ключевского, упоминаемый в этом перечне, представляет собою запись беседы Елпидифора Барсова (члена императорского Общества истории и древностей российских, близкого Ключевскому человеку) с Ключевским, состоявшейся 25 сентября 1907 г. (она опубликована в кн.: «У Троицы в Академии. 1814—1914». Юбилейный сборник исторических материалов. Изд. 6. воспитанников Московской духовной академии. М., тип. т-ва И. Д. Сытина, 1914, с. 622—693); запись озаглавлена «Мнение о Горьком». Ключевский в этой беседе высказывает взгляд на Горького, распространенный в среде мелкобуржуазной, либеральной интеллигенции: «Горький — это пропаганда, — говорит он. — А пропаганда — не литература». Трудно установить, что привлекло Блока в этом «Мнении о Горьком» известного историка, почему из сотен других «мнений» интерес у него вызвало это, отчетливо не приемлющее пролетарского писателя. Если учесть блокowsкую концепцию Горького, наиболее законченные формы приобретшую именно в эти годы (т. е. в 1919 г.), можно предположить, что поэт был не согласен с отзывом Ключевского, готовился к полемике с ним, для которой у него не достало каких-то внутренних сил.

Некоторое представление о возможном направлении работы Блока над «Книгой о Горьком» может дать сохранившийся раздел его библиотеки. Известно, что в 1919—1921 гг. Блок был вынужден расстаться со значительной частью своей библиотеки (продать ее через букинистические магазины). Сохранились лишь немногие, наиболее дорогие поэту книги. Среди них — пьеса Горького «На дне» (отд. оттиск изд. «Знание», 1903, т. 6) и упоминавшееся выше издание повести «Детство» (1916). Основную часть горьковского раздела библиотеки составили книги, о которых Блок упоминает в своих дневниковых записях: «Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре» (Пг., «Культура и

свобода», 1918 — многие страницы книги содержат пометки Блока); «Статьи 1905—1916 гг.» (без ценз. изъятий и доп. двумя статьями. Пг., «Парус», 1918 — также с многочисленными пометами поэта). В этот же раздел входят: «Ералаш и другие рассказы» (Пг., «Парус», 1918, со словесными пометами неустановленного лица); «Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом» (Пб., 1919).

Горьковский раздел библиотеки Блока, несмотря на свою малочисленность, очень содержателен и помогает понять восприятие Блоком горьковской темы.

Отношение Горького к Блоку было отмечено несравненно большими противоречиями и напряженностью, достигавшими порой драматического накала.

Первое выступление Горького в печати по поводу Блока относится к 1923 г.²⁸, когда в журнале «Беседа» (1923, № 1) были опубликованы первые четыре заметки о Блоке, вошедшие затем в очерк «А. А. Блок» — заключительную часть книги «Заметки из дневника. Воспоминания» (1924).

Несмотря на то, что при жизни поэта Горький никогда не высказывался о нем публично, он хорошо знал его творчество — можно сказать даже, что ни одно выступление Блока не проходило не замеченным Горьким. В многочисленных письмах разным адресатам Горький называет такие произведения поэта: «Стихи о Прекрасной Даме», «Балаганчик», «Незнакомка», «Нечаянная радость», цикл «На поле Куликовом», стихотворения «Сиенский собор», «Осень», «Усталость», «Сусальный ангел», «Я коротаю жизнь мою...», «Повеселясь на буйном пире...», «Ветер налетит, завоюет снег...».

Эти произведения, как и все творчество поэта дореволюционного периода, получили у Горького резко отрицательную оценку. Наиболее выразительно она была сформулирована в ставшем известным сравнительно недавно письме Горького Леониду Андрееву от 26—30 июля (8—12 августа) 1907 г.: «Мое отношение к Блоку — отрицательно, как ты знаешь. Сей юноша, переделывающий на русский лад дурную половину Поля Верлена, за последнее время прямо-таки возмущает меня своей холодной манерностью, его маленький талант положительно иссыкает под бременем философских потуг, обессиливающих этого самонадеянного и слишком жадного к славе мальчика с душою без штанов и без сердца. Нет, ты его оставь в покое года на три, может быть, он подрастет за это время и научится говорить искренно о простых вещах — о том, что сейчас кажется ему изумительно премудрым и что уже сказано во Франции сильнее и красивее, чем это может сделать он»²⁹.

Высказывания подобного рода можно было бы продолжить. Можно предположить, что причиной их была все-таки «пристрастность» Горького — и эстетическая (в том же письме Леониду Андрееву Горький противопоставляет Блоку имена, в которых видит будущее отечественной литературы: «Зайцев, Башкин, Муйжель, Ценский, Лансере, Л. Семенов»; в письме С. С. Кондурушкину от 25 февраля 1908 г. он противопоставляет Блоку Городецкого и Тарасова³⁰; в письме Д. Н. Семеновскому от 31 января 1915 г. Горький оценивает стихи Семеновского намного выше стихов Блока...³¹), — но в первую очередь — идейная. «Невозможно резкая характеристика» Блока, как оценит ее тотчас же Леонид Андреев в ответном письме Горькому, была связана с просьбой Леонида Андреева привлечь Блока к участию в сборниках «Знание». Эта просьба заставила, очевидно, Горького осмыслить свое отношение к Блоку как к писателю враждебного, «недемократического» лагеря: «Сборники „Знания“ — сборники литературы демократической и для демократии»³² — так объяснял писатель невозможность участия в них Блока. На этом этапе творческого пути Горький воспринимал Блока — и по уровню таланта, и по его направленности (хотя известно, что демократическая направленность поэзии Блока определилась уже к 1906 г.) — в общем ряду декадентской (недемократической) литературы.

«...Я усердно читаю „скандаль-литературу“, — писал Горький С. С. Кондурушкину 25 февраля 1908 г., — как вы ее назвали, „модерн“, как называют другие. Весь этот кавардак честолубий, сомнений и голого стремления „урвать да удрать“ иногда наводит некоторую тоску <...> Бесспорно талантливый и до су-

дорог холодный Брюсов — весь дан во французской литературе лет двадцать тому назад. Блок — не очень ловко перепевает Верлена, времен его мистических настроений. В этом шуме мало оригинального»³³. Однако в другом письме тому же адресату, написанном спустя месяц после приведенного, Горький предлагает более сложное и широкое понимание вопроса: «Само собою разумеется, что в Брюсовых, Блоках, Ивановых и т. д. — многое прямо-таки чуждо мне, но — не мог и не могу не видеть у них красоты, всем нам нужной, для всех — ценной, дорогой, редкой. О, черти, как хорошо они могли бы говорить, если б не болели этой изнуряющей болезнью — гипертрофией „я“!»³⁴. (Свидетельством такой неоднозначности, сложности отношения Горького к Блоку может служить признание близкого Горькому человека. М. Ф. Андреева в письме Н. Е. Буренину, относящемся к 1910 г., объясняя отрицательную оценку Горьким стихов некоего Бориса, писала так: «Не подумайте, что это магия превосходства над пиш^ателем», оказался, мол, интеллигент; так и все насмарку, отнюдь нег: восхищается же А^лексей Брюсовым, Бальмонтом и даже Блоком иногда...»³⁵. Стоит обратить внимание и на то, что в тот же ранний период в отзывах Горького о Блоке появляется мотив, который получит преимущественное развитие в 1925—1930-е годы, — настойчивое противопоставление формы, «техники» блоковской поэзии, которой следует учиться молодым поэтам, ее содержанию, ее декадентскому (враждебному, антидемократическому) существу. В письме начинающему поэту И. Ф. Невинскому Горький писал 26 августа 1910 г.: «Мне хочется возразить вам на ваши слова о декадентствующих: они не все плохо пишут и читать их вам — нужно, раз вы тоже пишете стихи. У них следует и должно учиться *форме*, они очень обогатили язык. Проверьте меня, прочитав хотя бы стихи Блока, „Пламенный круг“ Сологуба, Брюсова и т. д.»³⁶.

Сравним с замечаниями Горького в письмах 20—30-х годов.

А. А. Северному, 12 ноября 1927 г.: «<...> не бойтесь и модернистов — Сологуба, Блока и др., рассматривая их прежде всего — только — как людей литературно грамотных, как отличнейших техников. Заразиться от них „декадентством“ Вы не можете — этому помешает Ваш личный жизненный опыт, тот огромный запас впечатлений, которым Вы уже обладаете. Учиться надобно у всех, и у врагов — тоже»³⁷.

П. Капырину, 25 февраля 1928 г.: «Вам следует серьезно учиться на классиках, на мастерах стиха, каковыми у нас являются Пушкин, Лермонтов из старых, а из более новых Сологуб, Блок. Двое последних идеологически — люди совершенно чужие Вам, но ведь Вы к ним пойдете за техникой, а не за идеологией»³⁸.

П. К. Миловзорову, 2 января 1929 г.: «У Никитина и Сурикова — нечему учиться, это были поэты третьестепенные, учиться нужно у Пушкина, Лермонтова, Некрасова, даже у таких современных Вам „молодых“, как, например — Асеев <...>»

Стихов читайте больше: Брюсова, Сологуба, Блока, — смотрите, как тонко они разработали технику стиха»³⁹.

Ларисе Барышевой, 28 августа 1931 г.: «Вы очень плохо знаете тот язык стиха, который выработан Брюсовым, Блоком и др. поэтами 90—900 годов. В наши дни — нельзя писать стихи, не опираясь на этот язык»⁴⁰.

Можно было бы привести еще ряд высказываний Горького подобного рода.

Среди прочих обстоятельств, порождавших настороженное отношение к поэту в разные периоды жизни, следует, очевидно, признать и влияние непосредственно окружавших Горького близких людей. Так, сохранился ряд высказываний М. Ф. Андреевой, в которых отрицательно оценивается творчество Блока: в письме И. П. Ладыхникову 4 декабря 1913 г. она писала: «„Свободный театр“ — это мои принципиальные, идейные, всяческие лютые враги <...> Они хотят ставить пьесу (мистическую пьесу!) Блока „Роза и Крест“ — это просто плохая пьеса, написанная плохим стихом, плохим языком, искусственная и фальшивая, а я — должна буду играть в ней графиню Изору, и должна буду играть <...>»

„Розу и Крест“ я играть не буду, скорее уйду из театра, но — не буду, это

мистика и чушь!»⁴¹. Очевидно, это отрицательное отношение к поэзии Блока сохранялось у М. Ф. Андреевой долго. Лишь через десять лет, уже после смерти Блока, 10 мая 1924 г. она писала Горькому: «Прочла недавно все книжки Блока. Жалею, что не сделала этого раньше, тогда при встречах с ним, должно быть, иначе бы с ним разговаривала. Мне он всегда почему-то казался фармацевтиком-неврастеником, несмотря на весь его талант. И сейчас — мне неловко за это»⁴².

Не исключено, что на разных этапах влияние, если оно было, М. Ф. Андреевой на отношения Горького и Блока было различным: известно, например, что как член режиссерского управления Большого Драматического театра она привлекала Блока к работе в его Репертуарной секции в 1919—1920 гг., но ее непонимание Блока имело очевидный отрицательный смысл. Записные книжки Блока содержат записи такого рода: 28 февраля 1920 г.: «Тяжелое чувство от Андреевой продолжает угнетать» (ЗК, 488); то же — 2 марта 1920 г.; 18 марта: «Тяжело с Андреевой — еще тяжелее, чем с Горьким» (ЗК, 489). И так далее.

Такую же осложняющую роль в отношениях Горького и Блока играл, очевидно, и А. Н. Тихонов. Сохранилось письмо его Горькому, предположительно относящееся к 1911 г.: «Разговаривал я с Леонидом Николаевичем <Андреевым?> Переговаривать <Андреев> с литераторами <речь идет об объединении писателей. — А. К.>: Толстым, Ценским, Черным (он очень за Черного и против Блока, это, говорит, гнилое полено, которое ничем поджечь нельзя)»⁴³. Однако из общения и переписки с Леонидом Андреевым до этого письма Горькому было известно о восторженном отношении его к Блоку⁴⁴.

В записных книжках Блока встречается фраза (3 мая 1920 г.): «Объяснение с Тихоновым» (ЗК, 492)⁴⁵; то же — в дневнике 4 января 1921 г.: «Все, что я слышу от людей о Горьком, все, что я вижу в г. Тихонове, меня бесит...» (VII, 389—390). Можно предположить, что Блок чувствовал в окружении Горького какую-то явную недоброжелательность (или настороженность)⁴⁶.

После революции, когда произошло «потепление» в отношении Горького к Блоку, Горький — один раз за всю историю этих отношений — сделал попытку объяснить свою позицию (отметим — не выраженную ранее публично, но широко известную в литературной среде). Выступая (вместе с Блоком и другими литераторами) на вечере памяти Леонида Андреева в ноябре 1919 г., Горький сказал: «Когда расцветал «модернизм», пытались понять его, но больше осуждали, что гораздо проще делать. Seriously думать о литературе было некогда, на первом плане стояла политика. Блок, Белый, Брюсов казались какими-то „уединенными пошехонцами“, в лучшем мнении — чудаками, в худшем — чем-то вроде изменников „великим традициям русской общественности“. Я тоже так думал и чувствовал. Время ли для „симфоний“, когда вся Русь мрачно готовится плясать трепака?»⁴⁷

Блок слышал это выступление Горького: «В 4 часа, — записывает он 8 ноября 1919 г., — памяти Л. Андреева в Тенишевском училище. Опять сумасшествие. Кучка людей в шубах и шинелях слушает Горького, которому солдат раздавил ногу» (ЗК, 480). И Блок не принял — судя по умолчанию в этой и других записях — протянутой к примирению руки Горького. Не исключено, что это «извиняющееся» объяснение в какой-то мере даже осложнило его отношение к Горькому в период напряженных размышлений о нем и его творчестве; в связи с упоминавшейся «Книгой о Горьком» 16 ноября того же года появляется запись, которая подвела черту этому замыслу, оставшемуся неосуществленным: «Очень тяжелые мысли о Горьком. Нет, буду ждать знаков-знамений» (там же).

В период первой мировой войны появляются — впервые в высказываниях Горького о Блоке — ноты не категорического осуждения, но понимания и сочувствия.

В январе 1915 г. начинающий поэт Дм. Семеновский обратился к Горькому с письмом:

«Вы, Алексей Максимович, кажется, не любите стихов Александра Блока? По-моему, он кривляется, любит себя, ходит по канату, — дряни у не-

го — гора, но есть стихи замечательной красоты. Они так задушевные, теплы и в них есть что-то умиленное, молитвенное:

„Россия, нищая Россия...“ <далее следует текст стихотворения>

Не правда ли, прекрасно? Не слова — огонь. Как хорошо он пишет про Россию! <...>

Еще о России: вести плохую разгульную жизнь — „... и с головой, от хмеля праздной, сторонкой в Божий храм брести...“ <далее приводится текст стихотворения>, а стихотворение „Побывала старушка у Троицы“ — сама простота, и достойно красоваться в хрестоматии:

„Девушка пела в церковном хоре...“ <приводится текст стихотворения> Прелесть, чудо. В этих стихах Блок прост и искренен, и за рифмой не ухаживает, и за эти немногие стихи можно простить ему всю декадентскую чепуху. Наверное, и Вы думаете так же? ⁴⁸.

Известен ответ Горького на это письмо: «Блок? Я отношусь к нему внимательно, но — недоверчиво. Мне кажется, что он слишком литератор и вдохновение его — холодно, почерпает он его из книг, как я чувствую. Те стихи, которые вы привели в письме ко мне, я знаю и тоже считаю их книжными. Все, что сказано в них про Русь, — не однажды говорилось Хомяковым, Аксаковым, это можно встретить у Языкова, даже у Огарева. Старо, книжно, своих слов — мало, своего отношения — не вижу, не чувствую» ⁴⁹.

Несмотря на негативную оценку творчества Блока, в этом письме впервые ощутимо стремление Горького понять поэта вне его непосредственной литературной среды, но в русле отечественной традиции в целом. По свидетельству современника, именно в этот период Горький размышляет над творческими судьбами некоторых художников, которых принято было считать «декадентами», и выделяет среди них одного — Блока.

«Шел 1916 год, то есть год войны, — вспоминал Вс. Рождественский. — <...> Символизм прошел мимо него <Горького>, почти ничем не задев внимания. Во всяком случае, он редко упоминал о нем. Исключение делал только для Валерия Брюсова, к учености которого относился с большим уважением, и А. А. Блока, „поэта страстного, ищущего своей правды“. Небольшая книга Блока „Стихи о России“ долго лежала у Горького на рабочем столе, и он не раз открывал ее в пылу беседы» ⁵⁰.

Книга Блока «Стихи о России» (изд. журнала «Отечество», 1915) сохранилась в личной библиотеке Горького. Это единственная книга Блока, вошедшая в ранний состав блоковского раздела библиотеки по инициативе самого Горького (все другие книги Блока в этом разделе поступили в нее от автора, в 1919 г.) и сохраненная им до конца жизни. Очевидно, в 1915—1916 гг. Горький впервые прочитал ее, отметив простым карандашом (позднее писатель делал пометки на книгах цветными карандашами) крестиком в тексте книги (позднее этот знак Горький использовал редко, чаще встречаются в книгах его библиотеки подчеркивания в тексте и на полях, знаки «NB» и т. д.) два стихотворения Блока, которые, можно предположить, показались ему близкими и понятными: «Россия (Опять как в годы золотые...)» (с. 27) и «Грешить бесстыдно, непробудно...» (с. 37). (Вспомним, что об этих стихотворениях шла речь и в приведенной выше переписке Горького с Дм. Семеновским.)

Много лет спустя Горький, как он это делал обычно, вновь возвратился к этой, очевидно, дорогой для него книге, вложив в нее два листа (без подписей) из какого-то издания 1930-х годов с фотографиями Блока: Блока-юноши, Блока-мальчика, Блока в возрасте 3—4-х лет с матерью и отца поэта.

Рубежом в отношениях Горького к Блоку, как мы уже говорили, можно считать 1919 год. В первые годы революции Горький и Блок впервые лично познакомились и сблизились, занятые многочисленными начинаниями, связанными со строительством новой, революционной культуры. Те внутренние пути духовного развития, которыми шел каждый из них, пересеклись здесь и в определенной мере, конечно, совпали и соединились.

ДНЕВНИК АЛ. БЛОКА

1911—1913

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
П. Н. МЕДВЕДЕВАИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ В ЛЕНИНГРАДЕ
1928

печки—был такой факт)—опрокинуть тьму XVII столетия на молодой, славно начавшийся и измучившийся с первых шагов XX век.

Лучше вся жестокость цивилизации, все «безбожие» «экономической» культуры, чем ужас призраков—времен отошедших; самый светлый человек может быть мертвым перед неуязвимым призраком, но он вынесет чудовищность и ужас реальности. Реальности надо нам, страшнее мистики нет ничего на свете.

Если Ангелина может ковать свою жизнь (а может ли женщина?), то спасение ей из лап все того же многоликого чудовища—естественный факультет Высших женских курсов. Из огня нужно бросаться в воду, чтобы только потушить тлеющее платье, чтобы протрезвиться. Сам бог поможет потом увидеть ясное холодное и хрустальное небо и его зарю. Из черной кофты и красного огня—этого неба и этой зари не увидеть.

А может быть, все равно, к восстановлению патриаршества или нет, подкрадывается 1912 год? И там, не только в синодальной церкви, бога уже нет. — «Глас злая тонкая».

Днем—я на панихиде по А. П. Filosoфовой (опять звероголосование попов), встречи на улице Ремизова, потом с тетей у мамы. К обеду—домой. Люба говорит (уверяет), что провалилась на дебюте. Получит письмо.

Книга новых стихов от Брюсова⁵¹ (отозвалось прежней сладостью и болью).

20 марта.

Оттого ли, что стихи мои появились в «Знании» и будут в «Заветах»,—только последние дни замечается приток разных присылаемых мне сборников стихов (Ада Чумаченко, Шульговский, Мейснер...). Как все-таки люди держат постоянно нос по ветру.

88

ДНЕВНИК Ал. БЛОКА, 1911—1913. Л., 1928. С ПОМЕТОЙ ГОРЬКОГО

Музей А. М. Горького, Москва

«Не художественные, а жизненные черты сближали Блока с Горьким. Основной из них была страстность блоковского отношения к революции»⁵¹. Это свидетельство К. А. Федина нуждается в уточнении: факты показывают, что в восприятии Горьким Блока «жизненные» и «художественные» черты были неотделимы друг от друга, взаимозависели и взаимоопределялись друг другом.

Многие из этих фактов широко известны. Можем дополнить их малоизвестными свидетельствами мемуаристов. М. Дмитриев в позднейших воспоминаниях рассказывает о двух встречах Горького и Блока: «В „Привале комедиантов“ на Марсовом поле в Петрограде в 1918 г.— по случаю чтения А. В. Луначарским реферата о швейцарском поэте Миллере (или Мейере) и «на праздновании 50-летия со дня рождения Горького, 28 марта 1918 г. в редакции газеты „Новая жизнь“»⁵² (о праздновании юбилея Горького в 1919 г. известно из дневниковых записей самого Блока). Надежда Павлович в своих позднейших воспоминаниях рассказывает о беседе Блока с Горьким в 1919—1920 гг. по поводу устройства ее в качестве переводчика в издательство «Всемирная литература» (эту просьбу Блока Горький выполнил спустя несколько месяцев после смерти поэта)⁵³. Этот ряд деловых дружеских связей можно было бы продолжить, напомнив факты участия Горького и Блока в судьбе поэта Дм. Семеновского, Николая Колоколова и др.

Известно и мемуарное свидетельство Федина, относящееся к его беседам с Горьким в 1919—1920 гг.: «Вы должны бывать в кругу молодых писателей <...> Особенно советую познакомиться с Александром Блоком. Непременно познакомьтесь. Это... это...— Горький замолкает, отыскивая верное слово...

— Человек,— произносит он тихо и мгновение стоит неподвижно <...> Только в одобрении Блока чувство его совершенно не связано. О других он

легче находит слова, но осмотнительнее говорит»⁵⁴. Оно дополняется оценкой Блока в известном письме писателя Дм. Семеновскому летом 1919 г.: «Блоку — верьте, это настоящий, — волею божией поэт и человек бесстрашной искренности»⁵⁵, — в котором оба пласта впечатлений — «жизненный» и «художественный» — сливаются в одно целое.

После смерти поэта, когда у Горького особенно усилился интерес к его личности, писатель не раз возвращается к этому непосредственному впечатлению 1919 г. В заметках середины 1920-х годов, размышляя о подлинности дарования Фофанова, Андрея Белого, Горький писал: «И Блок, замороженный своей темой, [искусственно] нарочито, из страха не одолеть другие, приковавший себя к ней, Блок тоже, конечно, поэт»⁵⁶.

Ср. запись того же периода: «А. Блок — рыцарь „Прекрасной Дамы“, слуга Энойи, лучший лирик первой четверти XX века. Его жена, дочь гениального Менделеева, ушла с клоуном...»⁵⁷.

Эта запись входила в цикл заметок «для себя», «для памяти», посвященных странностям и парадоксам человеческого поведения, — начало циклу было положено в серии «Люди наедине сами с собой» в книге «Заметки из дневника. Воспоминания», где тоже есть сюжет, связанный с Блоком⁵⁸.

Трудно сказать, что превалировало в этот период в интересе Горького к Блоку. Несомненно лишь одно: начиная с 1919 г. и до конца жизни Горький пристально вглядывался в судьбу Блока, соотнося его художественный и человеческий опыт со своей собственной судьбой.

В 1919 г. Горький, можно предположить, вновь внимательно прочитал (изучил) произведения Блока.

Блоковский раздел его библиотеки, насчитывающий около 30 книг, был образован весь, кроме одной упоминавшейся выше книги поэта («Стихи о России», 1915), в 1919 г. Книги, по-видимому, переданы Горькому самим автором и тогда же прочитаны. То, что дело обстояло именно так, показывают материалы библиотеки и другие косвенные свидетельства.

29 августа 1919 г. Блок сделал такую заметку в записной книжке: «„Всемирная литература“ <...> Горькому — мои книжки...».

Речь идет очевидно о книгах: «Россия и интеллигенция» (Пб., «Алконост», 1919) с дарственной надписью: «Алексею Максимовичу Пешкову книжка, случайно оборванная на январе 1918 года, а конца ей не видно <...>» (см. наст. том, кн. 3, с. 53—54); «Стихотворения». Кн. 1—3 (М., «Мусагет», 1916); «Театр. Балаганчик. — Король на площади. — Незнакомка. — Действо о Теофиле. — Роза и крест» (М., «Мусагет», 1916).

На последней книге мусажетовского трехтомника есть дарственная надпись: «Максиму Горькому в знак давней любви и глубокого уважения. VIII, 1919» (см. наст. том, кн. 3, с. 55).

Очевидно, одновременно с этими книгами Блок подарил Горькому и книгу А. Григорьева: Аполлон Григорьев. Собрал и примечаниями снабдил Александр Блок. М., изд-во К. Ф. Некрасова, 1916; на книге — дарственная надпись: «Глубокоуважаемому и дорогому Алексею Максимовичу Пешкову книга, полная русской тоски и пьяной хандры, но и русских прозрений — от редактора ее. VIII, 1919» (наст. том, кн. 3, с. 53).

Тогда же, в 1919 г., эти книги были внимательно прочитаны Горьким. Об этом можно судить по характеру помет, их смысловой направленности, находившейся в русле собственных размышлений писателя этого периода.

В книге первой мусажетовского издания «Стихотворений» на с. 42 Горький отчеркнул красным карандашом строфу стихотворения (и отметил его в оглавлении):

Увижу я, как будет погибать
Вселенная, моя отчизна.
Я буду одиноко ликовать
Над бытия ужасной тризной...

— после которой написал: «Тютчев». Здесь важно обратить внимание не только на стремление писателя понять Блока в литературном ряду его предшественников, но и на самый факт интереса его к такого рода размышлениям поэта.

В пьесе «Король на площади» (в кн. «Театр» того же издания, с. 41) Горький отчеркнул зеленым карандашом следующее место в разговоре двух «неизвестных»:

В т о р о й. Скажи мне последнее: веришь ли ты, что разрушение освобождает?

П е р в ы й. Не верю.

В т о р о й. Спасибо. И я не верю.

То же самое можно сказать о поэме «Двенадцать». В библиотеке Горького сохранилось три издания этого произведения:

«Двенадцать». Худож. В. Н. Масютин. Берлин. Изд. 1. «Нева», 1922; «Двенадцать. Скифы». Предисл. Иванова-Разумника «Испытание в грозе и буре». СПб., «Революционный социализм», 1918; «Двенадцать». Рис. Ю. Анненкова. Пб., «Алконост», 1918. На форзаце книги типографским способом сделана надпись: «Экземпляр Максима Горького. Настоящее издание отпечатано в количестве 300 нумерованных экземпляров, из коих 25 раскрашены от руки худ. Ю. Анненковым». Далее надпись от руки: «№ 7. Ю. А.»⁵⁹ Ср. дневниковую запись Блока 6 января 1919 г.: «...они <Алянский> с Анненковым были у Горького, подносили ему „Двенадцать“. Очень знаменательно, что говорил Горький. Он говорил с ними с полчаса, очень доброжелательно, спрашивал, не встречается ли „Алконост“ препятствий, узнав об Ионове и многих книгах, сказал, что такие факты надо собирать, что Ионов бездарен и многому навредил...» (VII, 351).

Здесь важно отметить причастность Горького в это время к самому факту появления в печати книг Блока, и поэмы «Двенадцать» в том числе. О том, что Горький содействовал публикации поэмы, можно судить по упоминанию Блока в записной книжке 31 октября 1918 г.: «Телефон от Алянского (письмо Горького к Луначарскому по поводу „Двенадцати“ и „Алконоста“)» (ЗК, 433).

В тексте поэмы нет помет Горького; однако, кроме упоминавшегося косвенного факта, мы можем судить об отношении к ней писателя по ряду его позднейших высказываний, в первую очередь относящихся к периоду его работы над романом «Жизнь Клима Самгина».

К раннему слою блоковского раздела библиотеки Горького относится и книга стихов поэта «За гранью прошлых дней», вышедшая в 1920 г. в издательстве З. И. Гржебина. Поэт много работал над составлением этой книги и придавал ей большое значение (ЗК, 462, 489). Сюда же входит и книга В. Жирмунского «Религиозное отречение в истории романтизма» (М., изд. С. И. Сахарова, 1919), подаренная автором Блоку и переданная, как свидетельствуют записи Блока (ЗК, 478, 484), а также сам автор⁶⁰, Блоком Горькому на одном из заседаний «Всемирной литературы». Поэт, очевидно, хотел привлечь внимание Горького к этой заинтересовавшей его книге (на ее страницах имеются пометки Блока — сплошные подчеркивания в тексте на с. 5—17). На книге дарственная надпись: «Глубокоуважаемому Александру Александровичу Блоку книгу о „радости-страдании“ с неизменной признательностью подносит автор. 1919. 25.IV».

После смерти Блока Горький продолжал собирать его книги, не пропустив практически ни одного издания произведений поэта. В этот раздел вошли: «Отроческие стихи. Автобиография». М., «Первина», 1922; Собр. соч., т. 1—3. Берлин, «Эпоха», 1923; «Стихи (1898—1921), не вошедшие в Собр. соч.». Л.—М., изд-во «Петроград», 1925;

«Неизданные стихотворения 1897—1919». Ред. и примеч. П. Н. Медведева. Л., «Жизнь искусства», 1926 (сохранилось два экземпляра этой книги; один из них не разрезан): Собр. соч. Стихотворения, поэмы, театр. Ред., вст. статья и комм. В. В. Гольцева. Изд. 2. М.—Л., ГИХЛ, 1931;

Собр. соч., тт. I—XI. Издательство писателей в Ленинграде, 1932—1935.

«Письма Александра Блока к родным». Предисловие и примеч. М. А. Беке-товой. Л., «Academia», 1927.

Все эти книги были прочитаны Горьким. Мы можем убедиться в этом не только по наличию помет писателя на некоторых из них: на кн. «Стихи (1898—1924), не вошедшие в Собр. соч.» и на Собр. соч. 1932—1934 гг. (в томах 2, 5, 10), — но и по упоминанию их в статьях и письмах. Например, в письме И. А. Груздеву от 10 марта 1926 г. Горький сообщает: «„Неизданных“ стихов Блока не имею»⁶¹ (экземпляр книги находится сейчас в библиотеке), в другом случае он пишет тому же адресату 23 сентября 1927 г.: «Письма Блока — ужасные! — имею»⁶².

Чтение Горьким Блока, когда поэта уже не было в живых, приобретает иной по сравнению с чтением 1919 г. характер. Теперь Горький стремится понять Блока как значительное явление русской жизни на рубеже столетий, в переломную эпоху истории, соотнося это понимание с собственными творческими поисками.

Важно в связи с этим обратить внимание на то, что воспоминания Горького о Блоке, написанные в 1922—1923 гг., заключали «Книгу о русских людях, какими они были» (так предполагал автор назвать «Заметки из дневника. Воспоминания»). Образ Блока словно завершал тот круг размышлений писателя о судьбах русского народа, которым была посвящена эта книга и все пореволюционное творчество писателя в целом.

В книге «Стихи (1898—1924), не вошедшие в Собр. соч.» Горький отметил произведения, в которых наиболее ошутимо выражены пессимистические настроения поэта: «Жизнь — как море...», «Темнеет небо; туч гряда...», «Кошмар (Я проснулся внезапно в ночной тишине...)», «Метапсихоз (Никто не умирал. Никто не кончил жить)».

В эти годы у Горького впервые возникает интерес к биографической и мемуарной литературе о поэте. Сразу после смерти Блока появилось множество воспоминаний о нем его друзей и современников. Горький был, по-видимому, знаком со многими из них: «повестью петербургской» А. М. Ремизова «Ахру» (изд-во З. И. Гржебина, 1922), которая открывалась «плачем» по А. А. Блоку (книга сохранилась в библиотеке Горького); воспоминаниями Андрея Белого о Блоке, напечатанными в «Литературном ежемесечнике» «Эпопея» (М. — Берлин, «Геликон», 1922), — книга сохранилась в библиотеке с многочисленными пометами писателя; воспоминаниями Евг. Замятина, опубликованными в 1924 г. в журнале «Русский современник» (кн. 3), вызвавшими резко отрицательное отношение Горького⁶³, исследованиями о творчестве Блока авторов, которых писатель хорошо знал: В. М. Жирмунского «Поэзия Александра Блока» (Пб., 1922) и К. Чуковского «Книга об Александре Блоке». Изд. 2 (Берлин, «Эпоха», 1922) (обе книги сохранились в библиотеке Горького).

Наибольший интерес вызвала у Горького работа А. Я. Цинговатова «А. А. Блок. Жизнь и творчество» (М. — Л., Госиздат, 1926). Книга вызвала интерес Горького обилием биографических фактов и получила его высокую оценку: «Мне кажется, Алексей Яковлевич, что Ваша книжка о Блоке — лучшее, что написано о нем до сего дня, — писал Горький автору. — Вам удалось очертить его очень ярко, местами даже физически ошутимо. Весьма правильно указание на «немецкую стихию». Я не был близок с Блоком, но немало наблюдал его, и всегда казалось, что ему было бы легче жить, и вырос бы он духовно еще значительней, если б родился в эпоху Тика и Новалиса, даже позднее — Клейста. Я думаю, что «немецкая стихия» была в натуре его, дана ему непосредственно а русскую он принимал разумом, через Соловьева, через Москву (Соловьев был великий „разумник“, об этом свидетельствует его блестящий талант диалектика, а юмористические — всегда очень горькие — стихи его говорят о нем даже как о „нигилисте“). В общем же Блок был изумительно красив как поэт и как личность. Завидно красив». В том же письме Горький говорит и о своем особом интересе к личности Блока в другом плане: «Думается мне, что Вами недостаточно подчеркнута „народно- и жизнебоязнь“, свойственная многим людям поколе-

ния Блока, поколения, отравленного дедами и отцами, которые изображали народ огромным и страшно требовательным нищим. Отсюда его: „Мы бросаемся прямо под ноги...“. Он слишком много придавал значения „золотым словам“ мужика: „О, какое бесконечно окаянное горе сознавать, что без вас *пока* не обойдешься“, он не решился вычеркнуть совершенно лишнее „пока“. Ибо они без Блоков *никогда* не обойдутся, а должны будут создавать своих Блоков. И уже пытаются создавать»⁶⁴.

Здесь — тот же интерес, который выразился в чтении Горьким «Дневников» поэта.

В дневниках и мемуарах В. Брюсова и Андрея Белого Горький отчеркнул места, касающиеся Блока. Например, в книге В. Брюсова «Дневники. 1891—1910» (М., изд. М. и С. Сабашниковых. 1927) Горький отметил следующую запись: «Всех этих мелких (речь идет о Ремизове и Яценко) интереснее, конечно, А. Блок, которого я лично не знаю, а еще интереснее, вовсе не мелкий, а очень крупный, Б. Н. Бугаев — интереснейший человек в России».

Мемуары Андрея Белого «На рубеже двух столетий» (М.—Л., «Земля и фабрика», 1930) вызвали у Горького, судя по его пометкам и словесным надписям на книге, как и упоминавшиеся воспоминания 1922 г., отрицательное отношение. Не согласился Горький со следующим суждением Андрея Белого о Блоке: «Блок-то и был единственный „мистик“, сперва фетишистски отнесшийся к метафорам жаргона, потом перенесший собственные смещения с больной головы на здоровую <...> А Блока я понимал, может, два-три года, не более; да и то оказалось, что ничего-то не понял» (Указ. изд., с. 378).

Всю книгу Андрея Белого Горький оценил как «самозащиту» или «хуже того» (эти слова он написал на с. 488 этой книги), а в данном случае, видим, не принял мысль мемуариста о «фетишизме» мистических настроений Блока, — сам Горький видел и противоречивость, и незаконченность этих настроений у поэта.

В этот период Горький по-прежнему проявляет большой интерес к тому, как воспринимал Блок его самого. Об этом свидетельствуют многие пометки Горького на книгах Блока. С этим же связана его переписка с П. С. Сухотиным. В ноябре 1927 г. Сухотин послал Горькому в Сорренто свою книгу рассказов «Куриная слепь»⁶⁵ и письмо, в котором, в частности, говорилось: «У меня лежит письмо ко мне Блока по поводу Вашего „Детства“, и оно каким-то крепким чувством связало меня с Вами, ибо я очень люблю Александра Александровича. Пришлите мне Вашу карточку, и я ее поставлю на столе рядом с Блоком, с которым в последний год его жизни мы часто говорили про Вас»⁶⁶.

4 декабря 1927 г. Горький ответил Сухотину: «Мне было бы очень интересно познакомиться с суждением Блока о „Детстве“, — Вы не можете прислать копию письма его?»⁶⁷.

Далее в переписке Горького и Сухотина наступает перерыв на 5 лет. Переписка возобновляется в 1932 г., и 28 мая 1932 г. Сухотин пишет Горькому: «Посылаю Вам письмо Блока с восторженным восклицанием по поводу Вашей бабushки. Другое, более подробное его письмо о „Детстве“ я послал Вам несколько

радость или нечто, чего нельзя назвать даже радостью, что он не понимает людей, которые могут интересоваться, например, политикой, если они хоть когда-нибудь знали (поучаствовали), что такое искусство; и что он не понимает людей, которые после «Тристана» выжили. Со всем этим я, спорю, не спорю, как часто это мне приходится делать; а именно: я спорю, потому что знал когда-то нечто большее, чем искусство, т. е. бесконечность, а Конечное, по моему, а Мир; не спорю, потому что утратил То, вероятно, навсегда, и да, изменил, и теперь действительным, художником, живу не тем, что называется жизнью, а тем, что составляет человек, странной, что ее отталкивает. Не спорю еще потому, что я «свистун», как все признаю, что тем, где для меня отчаяние и ужас, для других — радость, а может быть — даже — Радость. Не знаю.

Блок, М. И. дал мне срок три недели для окончания споры.

Он не верит драматическому театру, не выносит актерского духа, первое слово со сцены в драме коробит его. Пришел, думает он, время создавать, а как, — не знает. Идет в студию — учиться.

Всё это оставило на мне чудное отражение — весь разговор, такая частность его (о «Ночных часах» о Ремизове), который я здесь не записала.

Петер закончился неприятным разговором с Лобой. Я постепенно поднималась к ней вопрос о предке пашей и о модернизме, чем она крайне тяготелась. Она не любит заскучать кляне, не любит его, не любит и вообще разговор. Модернисты все более раздражают ее со мной. Будущее покажет...

Име, однако, в разговоре с Лобой удалось, кажется, определить лучше, что я имею против модернизма.

131

ДНЕВНИК АЛ. БЛОКА. 1911—1913. Л., 1928

Страница с пометами Горького

Музей А. М. Горького, Москва

лет назад в Сорренто, и если оно где-то по дороге утерялось — обидно и безобразно. Блок был так увлечен бабушкой, что носил по знакомым Вашу книжку и читал любимые места. Однажды он зашел ко мне в гостиницу, положил перед собой на столе „Детство“, погладил и поласкал обложку, как живое, милое существо, и сказал: „Теперь для меня ясна вся фальшь конца гончаровского „Обрыва“. Вот где настоящая бабушка — Россия. Я любил Блока и люблю Ваше „Детство“, а поэтому хочется, чтобы это письмо было в Ваших руках“⁶⁸.

Судьбу другого, более подробного письма Блока о «Детстве» установить не удалось.

В эти годы Горький прочитал и «Дневники» Блока. П. Н. Медведев послал их в Сорренто в январе 1928 г., а в марте того же года Горький писал о них Р. Роллану, отвечая на вопрос последнего о причинах трагической кончины поэта. Отъезд Бальмонта за границу и его выступления там, как сообщал Горький, имели «очень плохие последствия для Блока и Сологуба»: «Опираясь на факт лицемерия Бальмонта, Советская власть отказала Блоку и Сологубу в их просьбе о выезде за границу, несмотря на упрямые хлопоты Луначарского за Блока. Это я считаю печальной ошибкой по отношению к Блоку, который, как видно из его „Дневника“, уже в 1918 г. страдал „бездонной тоской“, болезнью многих русских, ее можно назвать „атрофией воли к жизни“»⁶⁹.

В неоправданном варианте письма тому же адресату Горький разъяснял более подробно: «Блок был „доведен до безумия“? Не знаю, был ли. [Но мое впечатление: он был болен атрофией воли.] Его статьи „Кризис культуры“ и „Кризис гуманизма“ были написаны, кажется, до большевиков. Статьи эти свидетельствуют о крайнем его пессимизме. Но поэма „12“ была написана им после этих статей, как и стихи, посвященные Зинаиде Гиппиус, они заключались строчкой „Интернационала“. Я никогда не слыхал от Блока осуждения Советской власти. Мне кажется, что у него была совершенно атрофирована воля к жизни. Разрешение на выезд он получил, но уже не мог воспользоваться им, был болен...»⁷⁰.

Это был первый отклик Горького на чтение «Дневников». При всем сочувствии к поэту он все время ощущал свои внутренние расхождения с ним. Отвечая отказом на просьбу «Издательства писателей в Ленинграде» написать вступительную статью к Собранию сочинений Блока, предпринятому этим издательством, Горький писал И. А. Груздеву 29 октября 1930 г.: «Писать о Блоке — не буду. Понимаю я его плохо, вижу в тумане и уверен, что если б написал что-нибудь, так это вышло бы очень плохо, да едва ли и правильно»⁷¹.

И в письме К. А. Федину 9 ноября 1930 г.: «Я уже сообщил И. А. Груздеву, что не в силах написать об А. А. Блоке, ибо уверен: написал бы что-нибудь грубоватое и несправедливое. Мизантропия и пессимизм Блока — не сродни мне, а ведь этих его качеств — не обойдешь, равно как и его мистику <...>

Вообще — у меня с Блоком „контакта“ нет. Возможно, что это — мой недостаток»⁷².

Однако когда тома этого Собрания сочинений вышли в свет, Горький внимательно прочитал их, отметив в оглавлениях томов 2 и 5 произведения поэта, заинтересовавшие его (в т. 2—«О, что мне закатный... („Заклятие“»), в т. 5—поэму «Возмездие»), а в т. 11—сделал подчеркивания в статье «Болотов и Новиков»).

Особый интерес представляло для Горького, как уже было сказано, чтение «Дневников» Блока. В «Дневниках» одного из самых крупных представителей интеллигенции, выдающегося художника своего времени Горький пытался найти отзвук, какие-то соответствия или, наоборот, «точку опоры» для несогласия в своих размышлениях о судьбах интеллигенции и народа в России, т. е. в конечном счете найти ответы на коренные вопросы истории, революции и культуры. Именно эти вопросы явились предметом исследования в романе «Жизнь Клима Самгина»

Не исключено, что еще до знакомства с «Дневниками» Горький в размышлениях над этими проблемами обращался к художественному опыту Блока. В ро-

мане «Жизнь Клима Самгина», особенно в 1-й части (писатель работал над нею в 1925—1926 гг.), много места уделено именно этим «вопросам» — ответ на них, т. е. ясная, художественно убедительная позиция автора, будет развернут в последующих частях произведения, в особенности в последней, 4-й части. Причем на первоначальной стадии работы над произведением, в черновых вариантах, мысль художника была выражена более обнаженно (в дальнейшем многое в романе уйдет в «подтекст», будет дано опосредствованно, в системе образов).

Вот, например, размышления о народе и «народолюбцах», т. е. интеллигенции, в одном из ранних вариантов 1-й части. В беседе персонажей романа — Лидии Варавки, Клима Самгина и самого Варавки — возникает вопрос о том, что такое служение народу: героизм или жертва. Юные участники беседы отвечают так: «Нужно забыть о себе. Этого хотят многие, я думаю. Не такие, как Яков Акимович... Он... я не знаю, как сказать, он отдал себя в жертву сразу и навсегда. Он себя бросил...»⁷³.

Клим к этим словам Лидии добавляет: «И еще хотел сказать, что дядя Яков — жертва истории, Исаак». В другом варианте автор уточняет эту мысль главного персонажа, чрезвычайно важную для понимания его сущности: «Дядя Яков — жертва истории, — торопливо сказал Клим. — Он — не Иаков, а — Исаак...»⁷⁴. В дальнейшем эта мысль получает развитие в романе⁷⁵; в одном из вариантов она формулируется так: «Вырабатывая теоретически новые формы жизни, интел(лигенция) энергией духа своего [сдвига(ет)] толкает народ к революциям. [но история] История учит нас, что [масса народа] народ, подчиняясь силе необходимости и сделав шаг к революции, тотчас начинает сопротивляться воле интеллигенции, стремящейся [раз(вивать)] продолжать дело развития новых форм жизни. Народ — физическое начало, строго подчиненное закону эволюции. Личность — стремится всячески нарушить [всякие] и все другие законы»⁷⁶. Важно отметить, что первоначально эти слова произносились Томилиным, затем автор «передал» их Климу. Позднее писатель вернется к этим размышлениям в 4-й части, в связи с концепцией авторов сборника «Вехи», полемика с которыми станет по существу идейным центром всего произведения.

Ко времени работы над 1-й частью романа относятся и размышления Горького над поэмой Блока «Двенадцать». Вот начало одной заметки Горького середины 1920-х годов:

«Впереди идет Христос
В алом венчике из роз»⁷⁷.

Едва ли Блок видел в этом Христе — Христа Нагорной проповеди или — что то же самое — индусского Авеля проповеди в Бенаресе.

Христос Блока — духовный родственник немецкого социалиста, любителя порнографии Э. Фукса, который сказал мне:

„Интеллигент — это катсржник, прикованный к тачке истории“⁷⁸. Это суждение возвращает нас к проблематике романа «Жизнь Клима Самгина».

В письме И. А. Груздеву 10 марта 1926 г. Горький писал: «Достоевский, пытаясь создать в лице князя Мышкина нечто вроде Христа <...> убедительно доказал, что Христу нет места на земле. Блок сделал ошибку полуверующего мистика, поставив Христа во главу „Двенадцати“»⁷⁹. В письме Г. Камкову (1928 г. после 28 ноября) Горький советовал издать в Зифе «рассказ А. Струга, кажется, о том, как архиепископ Попель арестовал Христа, который присоединился к рабочим-демонстрантам, тема, повторенная Блоком в „Двенадцати“»⁸⁰.

Среди бумаг Горького сохранилась заметка, относящаяся к середине 1920-х годов, в которой писатель продолжает свой давний спор с Блоком, начатый в тот период, когда они, свидетели и участники событий, потрясших «мировой океан», вели беседы о судьбах мироздания и человека в нем. Приведем эту заметку полностью:

„Назад к Мафусаилу“ — вещь многословная, местами наивная, почти насквозь скучная; в общем — одна из наиболее неудачных „сатир“ Б. Шоу. Обыч-

ное для него остроумие здесь сильно притуплено пессимизмом. Говорят: ирландцы, как раса, все, в целом, склонны к пессимизму. Это — признак расовой старости?

Очень удивился, прочитав слова „Древней“:

„Настанет день, когда людей не будет, а будет только мысль“. Это и моя идея. Однажды я сообщил ее А. А. Блоку, он угрюмо оценил: „Фантазия мрачная“. В его устах — это странная оценка.

Два человека находили, что моя гипотеза не хуже других: доктор А. Н. Алексин и Ф. П. Макаров, самый суетливый из всех наиболее суетливых людей, встреченных мною. „Вот, вот, вот! — говорил он подземным голосом своим. — Только она все преодолевает, организует и, наконец, должна будет все претворить в себя саму и растворить в себе, единая, бессмертная»⁸¹.

Эта запись сделана, очевидно, в 1924—1925 гг., во время чтения пьесы Б. Шоу «Назад к Мафусаилу», сохранившейся в личной библиотеке Горького в изд.: М.—Пг., ГИЗ, 1924, серия «Всемирная литература». (В книге на с. 334—335 отмечены приведенные в записи слова героини пьесы, выступающей под условным именем «Древней». Диалог, из которого Горький привел цитату, имеет продолжение: на слова Древней отвечает другой персонаж пьесы — «Древний»: «И это будет вечная жизнь», — что также отмечено Горьким. В пьесе Б. Шоу действительно присутствует мысль о «торжестве чистого разума, свободного от материи» — с. 342—345.)

Здесь важно обратить внимание на продолжение спора, которому, казалось, Горьким был подведен итог в воспоминаниях о поэте в 1922—1923 гг. Напомню в связи с этим, что в этих воспоминаниях, написанных по живым, непосредственным впечатлениям, в споре писателей действительно соприкоснулись две, казалось бы, вечные тенденции:

«Лично мне, — говорит Горький в очерке, — больше нравится представлять человека аппаратом, который претворяет в себе так называемую „мертвую материю“ в психическую энергию и когда-то, в неизмеримо отдаленном будущем, превратит весь „мир“ в чистую психику <...>

Она <„психическая энергия“> в себе самой найдет гармонию и замрет в самосозерцании — в созерцании скрытых в ней безгранично разнообразных творческих возможностей»⁸².

Эта концепция «гармонии мира» опровергается, вернее сказать, уточняется позицией собеседника автора:

«— Не понимаю, — повторил Блок, качнув головою...»

«— Мрачная фантазия, — сказал Блок и усмехнулся».

«Он вздохнул:

— Если бы мы могли совершенно перестать думать хоть на десять лет. Погасить этот обманчивый болотный огонек, влекущий нас все глубже в ночь мира, и прислушаться к мировой гармонии сердцем»⁸³.

Напомним итог этого спора: в дневниковой записи Блока, в том месте, где речь идет о его докладе «Крушение гуманизма», приведены слова Горького: «Между нами — дистанция огромного размера, — я — бытовик такой, но мне понятно, что вы говорите, я нахожу доклад пророческим» (VII, 356).

Сохранились и еще заметки Горького, косвенным образом связанные с Блоком и чтением его «Дневников».

„Спаси, Господь, от ненависти к людям!“ А. А. Блок»⁸⁴, — записывает Горький в дневниковой книжке «Эпиграфы» мысль, возникшую у него при чтении Блока. Эта мысль трансформируется позднее в романе «Жизнь Клима Самгина».

Однако интересно отметить, что в этом романе, многие страницы которого посвящены критическому изображению литературной жизни начала века, в первую очередь символизма и «символистов», имя Блока почти не упоминается — он стоит как бы в стороне от направления, у него свой путь в искусстве и свое место в истории.

Имя Блока встречается в романе дважды, но совсем в другой, отнюдь не

«литературной» ситуации. В 4-й части романа, в том месте, где речь идет о собрании литераторов в петербургском ресторане «Вена», относящемся, очевидно, к 1910—1911 гг., в разноголосице фраз, суждений, которые воспринимает сквозь «пелену сизоватого дыма» наблюдающий эту сцену Самгин, вдруг неожиданно возникает имя Блока:

«— Господа! Премудрость детей света — всегда против мудрости сынов века. Мы — дети света.

— Долой премудрость!

— Премудрость это — веселье!

— Возвеселимся!

— И воспоем славу заслужившим ее...

— Предлагаю выпить за Александра Блока!

— Зачем-ем? Пускай он сам выпьет.

— Позволь! Наука...

— Полезна только как техника.

— Верно! Ученые это — иллюзионисты...

— В чем различие между мистикой и атомистикой? А то! <...>

— Но позвольте! Для чего же делали революцию?

— Чтоб очеловечить Калибана <...>

— Миллионы — не разумны <...>

— Вы — уничтожьте толпу! Уничтожьте это безличное, страшное нечто...

— Кал-либана!»

И — последняя фраза в этой разноголосице:

«— Я потерял колечко, я не вижу подобных мне...»⁸⁵.

По мысли автора романа, на смену Блоку должно прийти новое поколение интеллигенции:

«Да, мне захотелось посмотреть: кто идет на смену нежному поэту Прекрасной Дамы, поэту „Нечаянной радости“. И вот — видел. Но — не слышал»⁸⁶, — говорит в романе Леонид Андреев, выступающий как один из его персонажей. Следует обратить внимание на то, что на смену Блоку в романе приходит «Лаврушка, сын медника»: «Ученая ваша, какая-то там литературная, что ли, квалификация дошла до конца концов, до смерти. Ставьте точку. Слово и дело даются вновь прибывшему в историю, да! да!» — говорит он⁸⁷. Однако эти речи — «не слышат».

Блок и его «Дневники» заставили Горького еще раз вернуться, уже в конце жизни, к причинам своих внутренних расхождений с поэтом. Можно предположить, что писатель стоял у начала какого-то нового понимания его.

Ниже публикуются пометы Горького на книгах:

«Дневник Ал. Блока. 1911—1913», под ред. П. Н. Медведева, Изд-во писателей в Ленинграде, 1928;

«Дневник Ал. Блока. 1917—1921», под ред. П. Н. Медведева, Изд-во писателей в Ленинграде, 1928;

А. Я. Ц и н г о в а т о в. А. А. Блок. Жизнь и творчество. М.—Л., Госиздат, 1926 и на страницах статьи того же автора «Блок и современный Запад» (оттиск из журнала «Современник», 1923, № 2).

Сведения о пометах Горького на «Дневнике» Блока 1911—1913 гг. впервые (с неточностями) приведены в статье Д. И. Максимова «Из архивных материалов об А. Блоке (Уч. зап. Ленинградского Гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. XVIII. Факультет языка и литературы, вып. 5, 1956) и повторены в его книге «Поэзия и проза Ал. Блока». Л., «Сов. писатель», 1975, с. 522—523; сообщение о пометах Горького на страницах «Дневника» Блока 1917—1921 гг. вошло в наши примечания к очерку «А. А. Блок». — М. Горький. Полн. собр. соч. Художественные произведения в 25 томах, т. 17. М., «Наука», 1973, с. 601.

10 января 1928 г. Медведев послал Горькому в Сорренто свою книгу «Драмы и поэмы Ал. Блока. Из истории их создания» (Л., Изд-во писателей в Ленинграде, 1928), сопроводив посылку письмом, в котором говорилось: «Из Ваших воспоминаний об А. А. Блоке явствует, что он Вам дорог, что Вы его любите, хотя

бы и очень по-своему. Это дает мне право послать Вам мою новую работу о Блоке. Может быть, Вам будет небезынтересно познакомиться с процессом создания его драм и поэм» (Архив Горького, КГ-п 50-20-1). Книга сохранилась в личной библиотеке Горького с дарственной надписью: «Алексеем Максимовичу с чувством глубочайшего уважения» — Автор. 9.I.1928» (без помет Горького).

Спустя месяц, 10 февраля 1928 г., Медведев послал Горькому два тома «Дневников» Блока.

Позднее Медведев отправил Горькому еще одну свою книгу: «В лаборатории писателя» (Л., Изд-во писателей в Ленинграде, 1933). Книга сохранилась в библиотеке писателя с дарственной надписью автора и с одной пометой Горького.

Знакомство Цинговатова с Горьким началось с посылки книги, страницы которой даются в настоящей публикации. Цинговатов писал Горькому в Сорренто 27 августа 1927 г.: «Позволю себе послать Вам мою книгу об Александре Блоке.

Вы знали Блока лично, вы прекрасно знаете эпоху ту — мне бы очень хотелось услышать Ваше суждение о моем труде. Если не очень затруднит Вас это — не откажете хотя бы в кратком ответе» (опубл. частично: ЛН, т. 70, с. 625). На книге дарственная надпись: «Максиму Горькому — с любовью. Автор. 27.VIII.26». Ответ Горького см. выше.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ См. работы: Е. Малкина. Александр Блок о Максиме Горьком. — «Звезда», 1937, № 6; И. Сергиевский. Горький и Блок. — «Лит. критик», 1938, № 1; Н. Венгров. А. Блок и М. Горький. — «Горьковские чтения. 1953—1957». М., 1959; Д. Максимов. К вопросу об А. Блоке и М. Горьком. — В кн.: Д. Максимов. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1975. Кроме того, темы «Горький — Блок» касаются авторы монографических исследований: Л. И. Тимофеев. А. А. Блок. М., 1957; Е. Б. Тагер. Творчество Горького советской эпохи. М., 1964; З. Г. Миняц. Лирика Ал. Блока. Тарту, 1965.

² ЛН, т. 72.

³ ЛН, т. 89.

⁴ ЛН, т. 80, с. 260—261, 292—294.

⁵ М. Горький. Полн. собр. соч. Варианты, т. 5—6.

⁶ Личная библиотека Горького хранится в Мемориальном музее писателя в Москве, входящем в состав Института мировой литературы АН СССР. См. «Личная библиотека А. М. Горького в Москве. Описание в двух книгах». М., «Наука», 1981.

⁷ Личная библиотека Блока хранится в блоковском фонде рукописного отдела (Пушкинского Дома) в Ленинграде.

⁸ Н. Е. Крутикова. В начале века. Горький и символисты. Киев, 1978, с. 286. Ср. также: «Творчество Горького было своего рода пробным камнем для испытания подлинной революционности всех тех, кто к нему приближался» (Е. Малкина. Александр Блок о Максиме Горьком, с. 179); «Ярким примером этого «влияния Горького» может служить роль Горького в эволюции творчества Александра Блока, выросшего в чужой Горькому среде, — поэта-символиста, которого и сам Горький в годы реакции воспринимал как своего „литературного врага...“» (Н. Венгров. А. Блок и М. Горький. — «Горьковские чтения. 1959», с. 201).

⁹ Это слово употребил Горький в конце жизни, говоря (в письме к К. Федину, 9 ноября 1930 г.) о том, что у него «с Блоком „контакта“ нет» (см. далее).

Вообще применительно к Блоку Горький чаще пользовался другим словом — «понимание»: так, в дневниковой записи Блока приведены слова, сказанные Горьким после прослушивания доклада Блока «Гейне в России», в 1919 г. (идеи доклада были подробно развернуты поэтом в следующем знаменитом выступлении — «Крушение гуманизма»): «Между нами — дистанция огромного размера, я — бытовик такой, но мне это понятно, что вы говорите, я нахожу доклад пророческим...» (VII, 356). Ср. также в письме Горького И. А. Груздеву: «...писать о Блоке — не буду. Понимаю я его плохо, вижу в тумане...» — «Архив А. М. Горького», т. XI, с. 257.

¹⁰ «Письма к родным», I, с. 140.

¹¹ С. Горюдецкий. Воспоминания об Александре Блоке. — «Печать и революция», 1922, № 1, с. 84.

¹² М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 24, с. 323—324.

¹³ Мы имеем и косвенное подтверждение высокой оценки Блоком повести Горького. С. С. Кондурушкин в письме Горькому от 17 июля 1908 г. сообщал: «Был я на днях у Чулкова. Разговор был об Вас в связи со статьей Чулкова в „Речи“: „Правда о Горьком“. На мой взгляд, в его статье есть несомненные достоинства. Например: справедливо отметил он,

что Горький — один из самых верующих современных писателей. Но втроем мы (я, Блок и В. В. Розанов) осуждаем у Чулкова некоторые места фельетона. Между прочим, и Блоку, и Розанову, как и мне, глубоко трогательной показалась сцена с монахиней. Чулков этого не понимает, как, по-видимому, трудно понять ему и многое другое в жизни и литературе. Уж очень он весь выдуманный...» (Архив А. М. Горького, КГ-п 37-2-2).

¹⁴ ЛН, т. 70, с. 331.

¹⁵ «Библиотека А. А. Блока. Описание», кн. 1. Л., 1984, с. 241.

¹⁶ Там же, с. 240.

¹⁷ Отрывки из писем А. А. Кублицкой-Пиоттук М. А. Бекетовой от 5 апреля 1919 г. и 17 мая 1919 г. цит. по публикации в кн.: Д. М а к с и м о в. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., «Сов. писатель», 1975, с. 519.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См. записи 1919 г.: от 17 января, 6 февраля, 8 марта, 11 марта, 21 марта, 25 марта, 4 апреля, 23 апреля, 25 апреля, 28 апреля, 22 июля, 5 августа, 8 августа, 26 августа, 29 августа, 31 октября (ЗК).

²⁰ Архив А. М. Горького, КГ-п 9-5-1.

²¹ См. об этом: М. Г о р ь к и й. Полн. собр. соч., т. 25, комментарий.

²² М. Г о р ь к и й. Полн. собр. соч., т. 17, с. 224.

²³ Там же.

²⁴ Личная библиотека Горького.

²⁵ См. наст. том, кн. 3, с. 55.

²⁶ См. ниже статью Е. Ц. Чуковской «Блок в архиве Чуковского».

²⁷ Д. М а к с и м о в. К вопросу о Блоке и Горьком, с. 520—521.

²⁸ В литературе существует ошибочная точка зрения, что очерк «А. А. Блок» был написан Горьким в 1919 г. (Д. М а к с и м о в. К вопросу об А. Блоке и М. Горьком, с. 522). Об истории создания этого произведения см. подробно в наших комментариях в кн.: М. Г о р ь к и й. Полн. собр. соч., т. 17, с. 564—602.

²⁹ ЛН, т. 72, с. 289.

³⁰ Архив А. М. Горького, ПГ-рл 20-4-7.

³¹ Архив А. М. Горького, ПГ-рл 38-22-8.

³² ЛН, т. 72, с. 287.

³³ Архив А. М. Горького, ПГ-рл 20-4-7.

³⁴ Там же, ПГ-рл 20-4-8.

³⁵ Там же, ПТЛ 1-38-7.

³⁶ Там же, ПГ-рл 27-7-2.

³⁷ Там же, ПГ-рл 38-17-2.

³⁸ Там же, ПГ-рл 18-51-1.

³⁹ Там же, ПГ-рл 25-55-1.

⁴⁰ Отрывок из письма опубликован в кн.: «Летопись жизни и творчества Горького», т. 4, с. 145. Цит. по подлиннику — Архив А. М. Горького, ПГ-рл 3-10.

⁴¹ Архив А. М. Горького, ПТЛ 2-1-83.

⁴² Там же, КГ-рзн 1-159-74.

⁴³ Архив А. М. Горького, КГ-п 76-1-35.

⁴⁴ См.: ЛН, т. 72. Дополним эти сведения еще одним документом, не публиковавшимся ранее. Из письма Леонида Андреева И. С. Шмелеву от 23 марта 1916 г.: «Люблю Москву, но люблю и Рим, и без Рима мне труднее прожить, чем без Москвы; люблю Орловскую губ(ернию) и Волгу, но люблю и Норвегию — и все, что есть жизнь. Я и немца, подлеца, временами люблю. И в литературе: люблю Вас — и Блока, и Сологуба (не всего) и Ваничку Бунина (не всего). Мечта моя: жить во всем. Иной раз до того захочется стать гвардейцем!» (Архив А. М. Горького, ПТЛ 4-19-4).

⁴⁵ Справедливости ради надо отметить, что А. Н. Тихонов по поручению Горького привлекал Блока ко многим издательским начинаниям и в 1915—1916 гг. (в сборниках национальных литератур), и в 1919—1920 гг. (в издательстве «Всемирная литература»). Вот характерное признание А. Н. Тихонова в письме к Горькому 30 января 1924 г.: «Когда я узнал на днях, что дневники Блока, на которые я рассчитывал, ушли из моих рук, я чуть не заревел от горя. И ведь опоздали мы всего на две недели. Черт возьми-то!» (Архив А. М. Горького, КГ-П 76-1-24).

⁴⁶ В «Записных книжках» Блока, помимо упоминавшихся М. Ф. Андреевой и А. Н. Тихонова, есть записи такого же примерно свойства, касающиеся З. И. Гржебина («С Замятиным — о мошенничестве Гржебина», с. 497), П. П. Крючкова (с. 491) и других лиц из окружения Горького.

⁴⁷ ЛН, т. 72, с. 387.

⁴⁸ Архив А. М. Горького, КГ-П 70-1-11.

⁴⁹ Отрывок из письма опубл.: Д. М. Семеновский. М. Горький. Письма и встречи. Изд. 2-е. М.: «Сов. писатель», 1940, с. 115—116. Цит. по: Архив А. М. Горького, ПГ-рл 38-22-2.

⁵⁰ Всеволод Р о ж д е с т в е н с к и й. В Петрограде, у А. М. Горького (из воспоминаний). — В кн.: «М. Горький в воспоминаниях современников». М., ГИХЛ, 1955, с. 334—335.

⁵¹ Конст. Ф е д и н. Горький среди нас. Картины литературной жизни. М., «Сов. писатель», 1977, с. 36—37.

⁵² Архив А. М. Горького, МоГ 23-1.

⁵³ Там же, МоГ 11-32-1.

- ⁵⁴ Конст. Федин. Горький среди нас, с. 34—35.
- ⁵⁵ Дм. Семеновский. М. Горький. Письма и встречи, с. 115.
- ⁵⁶ М. Горький. Полн. собр. соч. Варианты, т. 5, с. 700—701. Комментатор этой заметки, датируя ее 1925 г., ошибочно соотносит содержание ее с концепцией отношения Блока к интеллигенции и народу, ссылаясь на «Дневники» поэта издания 1928 г.
- ⁵⁷ Там же, с. 662.
- ⁵⁸ М. Горький. Полн. собр. соч., т. 17.
- ⁵⁹ В «Записных книжках» Блока есть запись от 28 ноября 1918 г.: «Вечером Алянский принес „Двенадцать“ — из 300 экземпляров № 46» (с. 437—438).
- ⁶⁰ Об этом рассказал В. М. Жирмунский автору этой работы в декабре 1963 г., во время работы над блоковским разделом личной библиотеки Горького.
- ⁶¹ «Архив А. М. Горького», т. XI, с. 42.
- ⁶² Там же, с. 140.
- ⁶³ «Замятин написал кокетливо, вычурно и холодно, — писал Горький в письме А. Н. Тихонову <...> Замятин пишет: „Горький тогда был влюблен в Блока, он непременно должен быть на час в кого-нибудь или во что-нибудь влюблен“. Будьте любезны сказать Замятину, что не следует столь безоговорочно и решительно наклеивать на человека еще живого субъективные и ошибочные мнения о нем. Хотя я считаю Блока очень интересным человеком и многому удивлялся в нем, но любить его не мог. Это совершенно ясно» («Горьковские чтения...», 1959, с. 49).
- ⁶⁴ ЛН, т. 70, с. 625.
- ⁶⁵ На книге дарственная надпись: «Максиму Горькому с глубоким уважением и любовью. Павел Сухотин. Москва, 19 ноября 1927 год». Архив А. М. Горького, ДН-Г 6-17/1.
- ⁶⁶ Отрывок из письма опубл. в указ. статье Н. Венгрова «Ал. Блок и М. Горький», с. 258. Цит. по подлиннику. — Архив А. М. Горького, КГ-п 74-13-1.
- ⁶⁷ Там же, ПГ-рл 42-10-3.
- ⁶⁸ Отрывок из письма опубл. в указанной статье Н. Венгрова, с. 237. Цит. по подлиннику. — Архив А. М. Горького, КГ-п 74-13-4.
- ⁶⁹ М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 30, с. 86.
- ⁷⁰ ЛН, т. 70, с. 21.
- ⁷¹ «Архив А. М. Горького», т. XI, с. 257.
- ⁷² Конст. Федин. Горький среди нас, с. 298—299.
- ⁷³ М. Горький. Полн. собр. соч. Варианты, т. 7, с. 542.
- ⁷⁴ Там же, с. 543.
- ⁷⁵ М. Горький. Полн. собр. соч., т. 21, с. 143.
- ⁷⁶ М. Горький. Полн. собр. соч. Варианты, т. 6, с. 657—658.
- ⁷⁷ Неточная цитата из поэмы «Двенадцать». У Блока:

В белом венчике из роз
Впереди — Исус Христос.

⁷⁸ Архив А. М. Горького, ЛСГ 2-27-1.

⁷⁹ «Архив А. М. Горького», т. XI, с. 42. В этой публикации, на наш взгляд, неточное прочтение рукописи; надо — «полуверующего мистика» (Архив А. М. Горького, ПГ-рл 12-1-7).

⁸⁰ Архив А. М. Горького, ПГ-рл, 18-71-1.

⁸¹ Архив А. М. Горького, ХПГ 30-1-8.

⁸² М. Горький. Полн. собр. соч., т. 17, с. 226.

⁸³ Там же.

⁸⁴ М. Горький. Полн. собр. соч. Варианты, т. 6, с. 453.

⁸⁵ М. Горький. Полн. собр. соч., т. 24, с. 354—355.

⁸⁶ Там же, с. 523.

⁸⁷ Там же, с. 520.

ПОМЕТЫ ГОРЬКОГО НА СТРАНИЦАХ «ДНЕВНИКОВ» БЛОКА

«ДНЕВНИК АЛ. БЛОКА». 1911—1913

17 октября <1911>

<17> *

Весьма вероятно, что наше время — великое, и что именно мы стоим в центре жизни, т. е. в том месте, где сходятся все духовные нити, куда доходят все звуки (VII, 69).

* Здесь и далее в угловых скобках указываются страницы книги; в круглых скобках — том и страницы Собр. соч. Блока в 8 тт. Курсивом выделены слова, подчеркнутые Горьким. На полях — отчеркивания Горького.

- 10 ноября <1911>
 <35> | У Дризена — читает Волконский <...> О мировоззрении таких аристократов, которое иметь очень ответственно. Не любя демократии, ненавидя всякий американизм, ведь они не поймут и той тайной, запятанной глубоко культуры, которая есть в По, Гиппиус, Пясте, Пушкине...
- 21 ноября <1911>
 <43—44> | Днем заехал к Пясту и поехал с ним на лекцию Вл. В. Гиппиуса <...> От Феодосия Печерского до Толстого и Достоевского — главная тема русской литературы — религиозная. В нашу эпоху общество ударило в «эстетический идеализм» (это, по моему определению, кровь желтеет) <...> Пушкин. Пессимизм лицейского периода. Всегда — *сила только там, где просвечивает «доказательство бытия божия»*, остальное о боге — или бессильно, или отчаянно (переходящее в эпикуреизм)... (VII, 95).
- 3 декабря <1911>
 <48—49> | ...Мама дала мне совет — окончить поэму тем, что «сына» поднимают на штыки на баррикаде.
 План — четыре части — выясняется <...>
 Мир во зле лежит. Всем, что в мире, играет судьба, случай, все, что встало выше мира, достойно управления богом (VII, 99).
- 9 декабря <1911>
 <50> | Послание Ключева все эти дни — поет в душе. Нет, — рано еще уходить из этого прекрасного и страшного мира (VII, 101).
- 27 декабря <1911>
 <60> | Брюсову все еще не надоело ломаться, актерствовать, делать мелкие гадости людям, имеющим с ним отношения и особенно — зависящим от него (VII, 110).
- 13 января <1912>
 <75> | ...Скучно, скучно, неужели жизнь так и протянется — в чтении, писании, отделывании, получении писем и отвечании на них? — Но — лучше ли, «гулять с кистенем в дремучем лесу» (VII, 123).
- 19 марта <1912>
 <88> | Лучше вся жестокость цивилизации, все «безбожие» «экономической» культуры, чем ужас призраков — времен отошедших; самый светлый человек может пасть мертвым пред неуязвимым призраком, но он вынесет чудовищность и ужас *реальности*. Реальности надо нам, страшнее мистики нет ничего на свете (VII, 134) *.
- 5 апреля <1912>
 <93> | Гибель *Titanica*, вчера обрадовавшая меня несказанно (есть еще океан). Бесконечно пусто и тяжело (VII, 139).
- 1 мая <1912>
 <98> | Мысли печальные, *все ближайшие люди на границе безумия, как-то больны и расшатаны*, хуже времени нет (VII, 142).
- 3 мая <1912>
 <99> | Провели вечер все вместе с тетей и с Феролем, вернулись поздно домой, озябли, устали, *жить трудно* (VII, 143).
- 17 мая <1912>
 <100> | День *упадка сил*. Трудно привыкаться за работу (VII, 144).
- 22 мая <1912>
 <101> | Ужас после более или менее удачной работы: прислуга. Я вдруг заметил ее физиономию и услышал голос. Что-то неслыханно-ужасное. Лицом — девка, как девка, и вдруг — гнусавый голос из беззубого рта. Ужаснее всего — смещение человеческой породы с *н е и з в е с т н ы м и* низшими формами <...> В маминной прислуге есть тоже нечто *ужасное* <...> Так, |

* Эти же строки Блока отчеркнуты Горьким и в предисловии П. Н. Медведева.

совершенно последовательно, мстит за себя нарождающаяся демократия: или неприступные цены, воровство, наглость, безделье, или забытые существа неизвестных пород. Середины все меньше, вопрос о «прислуге» «обостряется», т. е. прислуги не будет, просто, и чем больше у нас потребностей, тем больше их удовлетворять придется... самим (VII, 144—145).

28 мая <1912>

<102> Сегодня ночью, наконец, накануне отъезда Любы несказанный сон, в котором первый раз связаны Люба и мама. Сон хватания за убегающую жизнь, *боязнь жизни вообще, мучения и унижения последних дней*, страшная тяжесть, но за ней — несказанное и великое (VII, 145).

<103> К в е ч е р у. В 4.30¹ Люба уехала...

Печальное, печальное возвращение домой. Маленький белый такс с красными глазками на столе грустит отчаянно. *Боюсь жизни*, улицы, всего, страшно остаться одному, а еще и мама уедет (VII, 146).

4 июня <1912>

<105> | Вечером — в Зоологическом саду — борьба (VII, 148).

11 июня <1912>

<106—107> Я все еще не могу приняться за свою работу — единственное личное, что осталось для меня в жизни, так как *ужасы жизни* преследуют меня пятый день — с той злополучной среды (6 июня). Оправлюсь — одна надежда. Пока же — боюсь проклятой жизни, отворачиваю от нее глаза <...>

После спектакля, от которого мне в общем было тяжело, мы с Любой прошли немного по туманному берегу моря (над ним висел красный кусок луны). Потом опять я стал одинок, и стало мне опять не переварить этой пакости, налезшей на меня <...>

Может быть, пройдет скоро эта *мерзостная, вонючая полоса жизни*, придет другая. *Боюсь жизни* (VII, 149).

13 июня <1912>

<107> Работа не идет. Днем шляюсь — зной, вонь, *тоска* (VII, 150).

14 июня <1912>

Ночью (почти все время скверно сплю) ясно почувствовал, что если бы на свете не было жены и матери, — мне бы нечего делать здесь (VII, 150).

Ночь на 3 июля <1912>

<112> Нет, все-таки я *усталый и больной!* (VII, 155).

11 октября <1912>

<120—121> Терещенко говорил о том, что искусство у р а в н и в а е т людей (одно оно во всем мире), что оно дает радость или н е ч т о, чего нельзя назвать даже радостью, что он *не понимает людей, которые могут интересоваться, например, политикой*, если они хоть когда-нибудь знали (почувствовали), что такое искусство; и что он *не понимает людей, которые после «Тристана» влюбляются*. Со всем этим я, споря, не спорил <...> не спорил, потому что утратил То, вероятно, навсегда, п а л, и з м е н и л, и теперь, действительно, «художник», *живу* не тем, что *наполняет жизнь, а тем, что ее делает черной, страшной, что ее отталкивает...* <...>

Вечер закончился неприятным разговором с Любой. Я постоянно поднимаю с ней вопрос о правде нашей и о модернистах, чем она крайне тяготится. Она не любит нашего языка, не любит его, не любит и вообще разговоров. Модернисты все более разлучают ее со мной. Будущее покажет... (VII, 163—164).

17 октября <1912>

<124> *Мертвый я, что ли?* (VII, 166).

13 ноября <1912>

<135> | Господи, неужели опять будут кошмары ночью (VII, 179).

- 24 ноября <1912>
 <140> Вечером... *тоска* (VII, 183).
- 27 ноября <1912>
 <142> Лао-тзы: «*Слабость велика, сила ничтожна*» (VII, 185).
- 11 февраля <1913>
 <178—179> Вот мысли, которые проходили сегодня в мозгу, отдыхающем, работающем отчётливо (от музыки и Шувалова) <...>
 Чтобы изобразить человека, надо полюбить его — узнать. Грибоедов любил Фамусова, уверен, что временами — больше, чем Чацкого. Гоголь любил Хлестакова и Чичикова, Чичикова — особенно. Пришли Белинские и сказали, что Грибоедов и Гоголь «осмеяли». — Отсюда — начало порчи русского сознания — языка, подлинной морали, религиозного сознания, понятия об искусстве — вплоть до мелочи — полного убийства вкуса (VII, 217—218).
- 22 марта <1913>
 <193> Письма от *** *Тоска растёт* (VII, 231).
- 25 марта <1913>
 <195> Я вернулся из театра, говорил с мамой по телефону, *тоскую, тоскую...* (VII, 234).
- 9 апреля <1913>
 <197> *Бездонная тоска* (VII, 235).
- 10 апреля <1913>
Грустно, грустно все... (VII, 236).
- 12 апреля <1913>
 <198> Я обедал в Белострове, потом сидел над темнеющим морем в Сестрорецком курорте. Мир стал казаться новее, *мысль о гибели стала подлинней*, ярче («подтачивающая мысль») — от моря, от сосен, от заката (VII, 236).
- 20 апреля <1913>
 <199> √ ...Так тянется, тянется непонятная моя жизнь (VII, 238).
- 1 мая <1913>
 <210> *Опять находит тоска* (VII, 247).
- 4 мая <1913>
 <211> Жить хочется мне, если бы было чем, *если бы уметь...* (VII, 248).

«ДНЕВНИК АЛ. БЛОКА». 1917—1921

- 13 июня <1917>
 <21> Опять набегают запредельная страсть, *ужас желания жить* (VII, 261).
- 13 июля <1917>
 <46> Я могу шептать, а иногда — кричать: *оставьте в покое, не мое дело, как за революцией наступает реакция*, как люди, не умеющие жить, утратившие вкус жизни, сначала уступают, потом пугаются, потом начинают пугать и запугивают людей, еще не потерявших вкуса, еще не «живших» «цивилизацией», которым страшно хочется пожить, как богатые (VII, 281).
- 30 июля <1917>
 <59—60> <Письмо Блока П. Струве, в ответ на «приглашение в члены Лиги русской культуры»>
 ...Тщательно взвесив для себя ваше предложение вступить в число членов Лиги русской культуры, я пришел к заключению, что только одно обстоятельство могло бы служить для меня препятствием: это обстоятельство выражается и конкретно и символически в отсутствии среди учредителей имени Горького, или говоря еще более и острее: *есть М. В. Родзянко и нет Горького* <...> нужно изыскать какие-то чрезвычайные средства для обретения Горького, хотя бы для того, чтобы его имя прошло через

«Лигу русской культуры» (по-человечески, что ли, как это делается, *избрать почетным членом, а потом — пусть отказывается и ругается*) <...> но дело в том; что всякий скажет, что в истории русской культуры имя автора «Исповеди» и «Детства» знаменательнее, чем имя председателя IV Думы, что бы ни произошло (VIII, 509—510).

<66> 5 августа <1917>

Утром — письмо от Струве (*замечательные слова о Горьком*) * (VII, 296).

<72> 15 августа <1917>

✓ ...Едва моя невеста стала моей женой, лиловые миры первой революции захватили нас и вовлекли в водоворот (VII, 300).

<80—81> 29 августа <1917>

Событие это — закрытие газеты «Новое время». Если бы не все, надо бы

✓ устроить праздник по этому поводу <...> Это — второй департамент полиции, и я боюсь, что им удастся стибрить бумаги, имеющие большое значение (VII, 307).

<87> | Крестьяне не дают городам хлеба, считая, что все сыты (VII, 312).

5 января <1918>

<92> Любимое занятие интеллигенции — выражать протесты <...> «Разочаровались в своем народе» <...> «Немецкая демонстрация» (г-н Батюшков, Ф. Д.). Медведь на ухо. Музыка где у вас, тушинцы проклятые?

Если бы это — банкиры, чиновники, буржуа!

✓ А ведь это — интеллигенция!

Или и д у х о в н ы е ц е н н о с т и — буржуазны? (VII, 314—315).

11 января <1918>

<96> Но позор 3 1/2 лет («война», «патриотизм») надо смыть.

Тыч, тыч в карту, рвань немецкая, подлый буржуй! Артачься Англия и Франция! Мы свою историческую миссию выполним.

Если вы хоть «демократическим миром» не смоее позор вашего военного патриотизма, если нашу революцию погубите, значит вы уже не а р и й ц ы б о л ь ш е. И мы широко откроем ворота на Восток.

Мы на вас смотрели глазами арийцев, пока у вас было лицо. А на морду вашу мы взглянем нашим к о с ы щ и м, лукавым, быстрым взглядом; мы скинемся а з и а т а м и, и на вас прольется Восток (VII, 317).

14 января <1918>

<98> Происходит совершенно необыкновенная вещь (как все): «Интелли-
NB генты», люди, проповедывавшие революцию, «пророки революции», оказались ее предателями.

Труссы, натравливатели, прихлебатели буржуазной сволочи <...>

Так это называлось, что они боялись «мракобесия»? Оказывается, они мечтают теперь об учреждении собственного мракобесия на незбылемых началах своей трусости, своих патриотизмов (VII, 318—319).

26 (13) февраля <1918>

<109> Ночь.

Я живу в квартире, за тонкой перегородкой находится другая квартира, где живет буржуа с семейством <...>

Он обстрижен ежиком, расторопен <...> Господи боже! Дай мне силу освободиться от ненависти к нему, которая мешает мне жить в квартире, душит злобой, перебивает мысли. Он такое же плотоядное двуногое, как я, он лично мне еще не делал зла. Но я задыхаюсь от ненависти, которая доходит до какого-то патологического истерического омерзения, мешает жить.

Отойди от меня, Сатана, отойди от меня, буржуа, только так, чтобы

* В примечании (с. 257) приведено это письмо: «...Меня обрадовало Ваше согласие вступить в члены «Лиги». Что касается Горького, то церковь, если бы он ее признавал, должна была бы призвать его к покаянию, как она это делала в былое время с великими мира сего».

✓ не соприкасаться, не видеть, не слышать; лучше я или еще хуже его, не знаю, но гнусно мне, рвотно мне, отойди, Сатана (VII, 327—328).

31 июля <1918>

<Письмо к З. Гишпиус>

<117—119>

✓ Великий октябрь их и разрубил. Это не значит, что жизнь не напутает сейчас же новых узлов; она их уже напутывает; только это будут уже не те узлы, а другие.

Не знаю (или — знаю), почему Вы не увидели октябрьского величия за октябрьскими гримасами, которых было очень мало — могло быть во много раз больше.

✓ Неужели Вы не знаете, что «России не будет» так же, как не стало Рима, — не в V веке после Рождества Христова, а в 1-ый год I века? Также не будет Англии, Германии, Франции. Что мир уже перестроился? Что «старый мир» уже расплавился? (VII, 336).

26 марта <1919>

<150>

Вчера — большой день. Я прочел доклад о Гейне <...>

Горький говорит большую речь о том, что действительно приходит новое, перед чем гуманизму, в смысле «христианского отношения» и т. д., придется временно ступеваться <...> Он переводит вопрос на излюбленную свою тему этих дней <...> — о борьбе деревни с городом.

Ссылается на съезды бедноты. Говорит, что предстоит отчаянная борьба деревни с городом, в которой непоздоровится не только капиталистам, но и писателям и артистам <...>

Гумилев <...> после закрытия заседания развивает мне свою теорию о гуннах, которые осели в России и след которых историки потеряли. *Совдены — гунны* (VII, 356—357).

28 марта <1919>

<153—155>

«Быть вне политики» (Левинсон)? С какой же это стати? Это значит — бояться политики, прятаться от нее, замыкаться в эстетизм и индивидуализм, предоставлять государству расправляться с людьми, как ему угодно, своими устаревшими средствами. Если мы будем вне политики, то значит — кто-то будет только с «политикой» и вне нашего кругозора и будет поступать, как ему угодно, т. е. воевать, сколько ему заблагорассудится, заключать торговые сделки с угнетателями того класса, от которого мы ждем появления новых исторических сил, расстреливать людей зря, поливать дипломатическим маслом разбушевавшееся море европейской жизни <...>

Нет, мы не можем быть «вне политики», потому что мы предадим этим музыку, которую можно услышать только тогда, когда мы перестанем прятаться от чего бы то ни было. В частности, секрет некоторой айтимузыкальности, неполнозвучности Тургенева, например, лежит в его политической вялости. Если не разоблачим этого мы, умеющие любить Тургенева, то разоблачат это идущие за нами люди, не успевшие полюбить Тургенева; они сделают это гораздо более жестоко и грубо, чем мы, они просто разрушат целиком то здание, из которого мы умелой рукой, рукою, верной духу музыки, обязаны вынуть несколько кирпичей для того, чтобы оно предстало во всей своей действительной красоте — просквозило этой красотой...

Быть вне политики — тот же гуманизм наизнанку (VII, 358—359).

31 марта <1919>

<156>

И дух музыки соединился отныне с новым движением, идущим на смену старому (VII, 360).

1 апреля <1919>

<160—161>

Основные положения, которые я хотел защитить <...>

Я боюсь каких бы то ни было проявлений тенденции «искусство для искусства», потому что такая тенденция противоречит самой сущности

искусства и потому, что, следуя ей, мы, в конце концов, потеряем искусство <...> *Сознательное устранение политических оценок есть тот же гуманизм, только наизнанку*, дробление того, что недробимо, неделимо (VII, 364).

5 апреля <1919>

А наш гуманизм — уже уличный; трамвайный разговор — самое дно. Общество покровительства животным, благотворительность, приветственный адрес начальству (скрежеща зубами) (VII, 365).

22 октября <1920>

<172—173>

Вечер в клубе поэтов на Литейном 21 октября...

Гумилев и Горький. Их сходства: волевое; *ненависть к Фету* и Полонскому — по-разному, разумеется. Как они друг друга ни *не любят*, у них есть общее. Оба не ведают о трагедии — о двух правдах. Оба (северо) восточные (VII, 371).

5 января <1921>

<203—204>

Из этой легенды проф. Мишеев сделал драму в 4 действиях и 12 картинах — «Во дни царя Соломона», с эпитафией «есть конец страданию, нет конца стремленью» (?), посвятил Горькому и потрогал моде <...> Горький, читая пьесу, все время поправлял слог, как он делает это повсюду (VII, 391).

14 января <1921>

<210>

Л. Урванцев. «Человек, который смеется» (по роману В. Гюго) <...> *Есть погромы, по нашему времени, ноты (против господ, хотя и английских XVII века)*. В Большом Драматическом театре не пойдет, что уже решили (VII, 397).

7 марта <1921>

<225—228>

При Временном правительстве начиная с мая 1917 года и окончившись лишь после октябрьского переворота <...> выходил журнал Родзянко «Народоправство» <...> Чулков негодовал на Горького по поводу его презрения к русским и обожания евреев <...>

Бердяев после Октября пишет многословно и талантливо, что революции никакой и не было, все — галлюцинации <...> все революционные идеи давно опошлелись, ненависть к буржуазии есть исконная ненависть темного Востока к культуре, одолел «германский яд», Россия не выдержала войны <...>

«Летопись» <...> С № 7 начинается роман Уэллса «Мистер Бритлинг пьет чашу до дна» <...> С № 1, 1917 г., начинается автобиография Шалипина <...> Дальше я уж этого *чужого* журнала не получал (VII, 411—414).

20 апреля <1921>

<234>

Начало дневника З. Н. Гиппиус. Это очень интересно, блестяще, большей частью, я думаю, правдиво, но — *своекорыстно*. Она (они) *слишком утяжелена личным*, тут нет широких, обобщающих точек зрения (VII, 416).

ПОМЕТЫ ГОРЬКОГО НА КНИГЕ:

А. Я. ЦИНГОВАТОВ. А. А. БЛОК. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО.

Отец поэта — Александр Львович — был профессором государственного права Варшавского университета.

Это был неуравновешенный, странный, своеобразный человек: во 2-й половине 70-х годов появился он — красавец-ученый, «демоническая натура», в либеральном салоне А. П. Философовой и обратил на себя общее внимание. *Достоевский находил в нем сходство с Байроном* и собирался взять его в герои своих произведений.

- ⟨20⟩ ...идиллия дворянского гнезда с его тепличной идеалистически-романтической культурной традицией в Шахматове была — и в первой книге Блока отразилась, — но идиллия совсем особого, новейшего типа: *«идиллия на краю бездны»...*
- ⟨21⟩ Вспоминая в 1919 г. «благоуханную глушь» Шахматова, вдребезги разбитого Октябрьской бурей ⟨...⟩ Блок прямо признался: «А что там неблагоприятно, что везде неблагоприятно, что катастрофа близка, что ужас при дверях, — это я знал очень давно, знал еще перед первой революцией».
- ⟨22⟩ В 1911 г. он в таких словах определяет сущность своих юношеских волнений и предчувствий: «У моего героя не было событий в жизни ⟨...⟩
NB С детства он молчал, и все сильнее в нем накапливалось волнение беспокойное и неопределенное. Между тем близилась Цусима и кровавая заря 9 января. Он ко всему относился как поэт, был мистиком, в окружающей тревоге видел предвестие конца мира...»
- ⟨28⟩ Но в революцию Блок все-таки не пошел — остался в стороне сочувствующим созерцателем. Впоследствии сам поэт объяснял пассивность эту кровной связью своей с привилегированной интеллигенцией: «Я все-таки кровно связан с интеллигенцией, а интеллигенция всегда была в ? *«нетях» ...»*
- ⟨44⟩ ...подводя в 1908 г. итоги взаимным отношениям интеллигенции и народа за период революции, Блок ставит вопрос именно так тревожно и остро: «Гоголь представлял себе Россию лежащей тройкой... Что, если тройка, вокруг которой «гремит и становится ветром разорванный в куски воздух» — л е т и т п р я м о н а н а с? Бросаясь к народу, мы бросаемся прямо под ноги бешеной тройке, на верную гибель».
- ⟨45⟩ Характеристике этого настроения Блок посвятит в 1908 г. целую статью ⟨...⟩:
«Самые живые, самые чуткие дети нашего века поражены болезнью... Эта болезнь — сродни душевным недугам и может быть названа «иронией» ...» <эпидемия свирепствует... Мы видим людей, одержимых разлагающим смехом, в котором томят они, как в водке, свою радость и свое
NB отчаяние, свое творчество, свою жизнь и, наконец, свою смерть... И все мы, современные поэты, пропитаны провокаторской иронией Гейне...
- ⟨56⟩ Подводя итоги, Блок отмечает в 1908 г., что современной интеллигенции не хватает «какого-то высшего начала». «Раз его нет, оно заменяется всяческим бунтом и буйством, начиная от вульгарного «богоборчества» декадентов и кончая неприметным и откровенным самоуничтожением — развратом, пьянством, самоубийством всех видов».
- ⟨59⟩ И в той же статье (1907 г.), намечая противовес дряблой, никчемной интеллигенции, Блок приводит из письма к нему одного крестьянина «золотые слова»: «Если бы у нашего брата было время для рождения образов, то они не уступали бы вашим... *О, какое бесконечно — окаянное горе сознать, что без вас пока не обойдешься!..»*
- ⟨60⟩ Вопрос об «интеллигенции и народе» Блок выдвигает как «насущнейший», «самый больной», «самый лихорадочный». Отношения между интеллигенцией и народом представляются поэту «не только ненормальными, не только недолижными». В них есть нечто жуткое, душа занимается страхом... народ и интеллигенция; полтора миллиона с одной стороны и несколько сот тысяч — с другой; люди, взаимно друг друга не понимающие в самом основном.

- ⟨62⟩ ...Блок спрашивает: «А уверены ли мы в том, что довольно «отвердела кора» над другой, такой же страшной, не подземной, и земной стихией — народной?». И заключает: «Так или иначе мы переживаем страшный кризис <...> Мы видим себя уже как бы на фоне зарева <...> а под нами громящая и огнедышащая гора, по которой за тучами пепла ползут, освобождаясь, ручьи раскаленной лавы».
- ⟨63⟩ Далее Блок <...> уже всерьез спрашивает: «Есть ли в России какое-нибудь сословие, которое способно продолжать славную деятельность дворянства, или нет?».
- ⟨69⟩ Рассказывая об обстановке, в которой создавалась поэма «Возмездие», Блок дает беглый, кинематографически пестрый перечень явлений и событий русской и европейской жизни, поразивших его: смерть Толстого <...> кризис символизма <...> грандиозные забастовки в Англии <...> **В** французская борьба в цирках, мода на авиацию...
- ⟨109⟩ Относительно же некоторого оттенка барственности в подходе Блока к революции интересно показание Чуковского:
«...Он ненавидел буржуазию, как ненавидел ее другой великий барин, Лев Толстой...».
- Такою же барскою, толстовскою ненавистью ненавидел он интеллигенцию так называемого «культурного общества», противопоставляя ее лживому быту великую народную правду...
- ⟨114⟩ V «К тем писателям, которые, убежав из России, клеветуют на оставшихся в ней, он относился с несвойственным ему раздражением <...> только тогда я увидел, как измучила его самого трехлетняя травля, которую вели против него соотечественники <...> И становилась понятной та жестокая небоковская злоба, с которой он говорил об этих заграничных ругателях» (Чуковский).

А. Я. ЦИНГОВАТОВ. БЛОК И СОВРЕМЕННЫЙ ЗАПАД

Отд. отт. из ж. «Современник», 1923, № 2

- ⟨93⟩ Что стоит на первом плане в отзывах Блока о Западе?
Великое *отвращение* ко всей той буржуазно-капиталистической обстановке, в которой протекает жизнь современной Европы <...> к ее *культуре*, «неудачно и неглубоко названной этим именем» *.
- ⟨94⟩ И обобщающий вывод Блока, сделанный из наблюдений над городской капиталистической цивилизацией в Европе, звучит совсем безнадежно: «Более, чем когда-либо, я вижу, что *ничего из жизни современной я до смерти не приму и ничему не покорюсь*. Ее позорный строй внушает мне только отвращение. *Переделать уже ничего нельзя — не переделает никакая революция*».
- ⟨95⟩ «Жизнь — страшное чудовище; счастлив человек, который может, наконец, спокойно протянуться в могиле».
- ⟨96⟩ Уезжал Блок из Франции в 1911 г. с таким чувством: «Я не полюбил Парижа, а многое даже в нем возненавидел. Я никогда не был *во Франции*, ничего в ней не потерял, она мне *глубоко чужда*».
- ⟨97⟩ «Да и вообще надо сказать, что мне очень надоела Франция, и *хочется в культурную страну — Россию, где меньше блок, почти нет французских*».
- ⟨97⟩ <Из поэмы «Возмездие»>
Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век!

* Здесь и далее в статье приводятся цитаты из кн.: М. А. Бекетова. Александр Блок. Пб., «Алконост», 1922. (Прим. ред.)

Тобою в мрак ночной, беззвездный
 Беспечный брошен человек!
 В ночь умообразных понятий,
Материалистских малых дел,
 Бессильных жалоб и проклятий,
 Бескровных душ и слабых тел!

- ⟨97⟩ Век расшибанья лбов о стену
 Экономических доктрин,
 Конгрессов, банков, федераций,
 Застольных спичей, красных слов,
 Век акций, рент и облигаций
 И мало действенных умов.
- ⟨98⟩ | «Переделать уже ничего нельзя — не переде-
 лает никакая революция».
- ⟨99⟩ | Только в Германии поэт чувствовал себя хорошо, — как нигде в Европе.
Полунемец по крови и определенный германофил по убеждениям, Блок го-
 ворит о Германии не иначе, как с нежным пристрастием, а в одном пись-
 ме прямо признается: «очень я люблю немцев».
- ⟨99⟩ | «... Меня поразила красота и родственность Германии, ее понятные
 мне нравы и высокий лиризм, которым все проникнуто. Родина готики —
 только Германия, страна, наиболее близкая России, вечный упрек ей».

II

ИЗ МАТЕРИАЛОВ АРХИВА А. М. ГОРЬКОГО

Сообщение Н. И. Д и к у ш и н о й

Среди блоковских документов, хранящихся в Архиве А. М. Горького, несомненный ин-
 терес представляет письмо к Горькому матери Блока А. А. Кублицкой-Пиоттух, написанное
 22 октября 1917 г., т. е. в тот самый день, когда отмечалось 25-летие творческой деятельности
 Горького.

Вот это письмо:

Дорогой Алексей Максимович.

Пользуюсь случаем (25 лет Вашей деятельности) выразить Вам горячее свое
 чувство к светлomu, чистому Вашему облику русского художника. Ваши творе-
 ния вошли в мою жизнь. — А Ваша деятельность идейного большевика дорога
 мне бесконечно. Люди изолгались, привыкли брать обманами. Вы смотрите со-
 бытия и фактам в глаза и не боитесь называть вещи своими именами. И над
 всеми ужасами жизни, во всех Ваших творениях светит великое будущее челове-
 ческого Духа.

Если б у меня был талант и я могла бы присоединить свой голос к воплям
 о мире и разоружении, я бы попросила у Вас место в газете, но — не дано.

Кланяюсь Вам низко с благодарным и восхищенным трепетом души.

А. К у б л и ц к а я - П и о т т у х, по первому мужу — Б л о к, мать поэта.

22 октября 1917 года
 Петербург.

Письмо А. А. Кублицкой-Пиоттух характеризует не только личное ее отношение к Горь-
 кому. Известна духовная близость Блока и его матери, разделявшей убеждения своего сына.
 «Сын был ее исключительной, самой глубокой привязанностью», — писала М. А. Бекетова
 (М. А. Бекетова. Александр Блок и его мать. Л.— М., изд-во «Петроград», 1925,
 с. 35). Неслучайна поэтому подпись «мать поэта».